

16+
ISSN 2410-1087
№ 2 (12)
2017

АРКТИКА XXI век. Гуманитарные науки
Информационно-научное издание

Учредитель

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска

Тотонова Е.Е.

Редакционная коллегия:

Варвара Белолобская (СВФУ, Россия)

Антонина Винокурова (СВФУ, Россия)

Людмила Заморщикова (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Гейл Фондад (Университет Северной Британской Колумбии, Канада)

Дженнан Фергюссон (Университет Аризоны, США)

Гунхильд Гйорв Хугенсен (Арктический университет Тромсё, Норвегия)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,
СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб.508.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора (Присяжный М.Ю.).....3.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Мясищев Д.Г. Синтез концепции вездеходного мобильного аванпоста для комплексного освоения российской Арктики4
Nikolaeva S.N. Post-soviet melancholia and impossibility of indigenous politics in the Russian North12

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Тотонова Е.Е., Алексеев Д.А., Амбарян М.А., Васильева М.Ф., Ефремов Д.Д., Слепцова А.Л., Стрекаловская О.В. Выявление потенциала развития туризма природного парка «Ленские столбы»23

БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИКЕ

Кузин В.Ю. Арктика – военная география региона38

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Попова Л.Н. Анализ туристского потенциала Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на примере Момского района48

СЛОВО РЕДАКТОРА

Представляем Вашему вниманию новый выпуск журнала «Арктика XXI век. Гуманитарные науки». Второй номер 2017 года включает пять статей, объединённых в четыре рубрики.

Данный выпуск отличает не только разнообразие отражённых в публикациях тематиках, но и значительное число авторов, среди которых и молодые авторы из СВФУ им. М.К. Аммосова.

Продолжает расширяться география авторов – выпуск включает статью профессора Мясищева Д.Г. из Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Традиция публикация материалов зарубежных коллег продолжена – в данном выпуске опубликована работа PhD Университета Манитобы Сарданы Николаевой.

Главный редактор
Михаил Присяжный

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

УДК 62-93

Д.Г. Мясищев¹

СИНТЕЗ КОНЦЕПЦИИ ВЕЗДЕХОДНОГО МОБИЛЬНОГО АВАНПОСТА ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

THE SYNTHESIS OF THE CONCEPT OF ALL-TERRAIN MOBILE OUTPOST FOR THE INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

Современные тенденции в вопросах освоения Арктической зоны России отталкиваются от уже имеющихся пунктов базирования, например метеостанции, заброшенные военные арктические посты прошлых десятилетий и т.п. Однако такой подход весьма ограничен и не имеет динамики в своем развитии. Неизбежно встанет вопрос, каким образом приступить к освоению арктических акваторий «с нуля». При этом важным является то, что в решении данной проблемы в принципе невозможно рассматривать техническое и кадровое обеспечение отдельно друг от друга. Это аналогично тому, что коллектив первопроходцев в комплексе решает задачи комплектации походной группы и выбора походного снаряжения. В статье эвристическими методами, а также современными методиками технического проектирования и оптимизации параметров и процессов, обоснованы концепция арктического мобильного аванпоста и его оптимальная кадровая структура специалистов.

Ключевые слова: транспортно-технологический, арктический, мобильный, комплекс, аванпост, оптимальная структура.

Modern trends in the development of the Arctic zone of Russia repelled from the already existing locations, such as weather station, an abandoned Arctic military posts of the past decades, etc. However, this approach is very limited and has no dynamics in its development. Inevitably the question arises, how to start developing the Arctic offshore «from scratch». The key is that the solution of this problem is impossible in principle to consider the technical and staffing separate from each other. It is the same as a team of pioneers in the complex solves the problem of picking a

¹ Мясищев Дмитрий Геннадьевич – д.т.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

E-mail: d.myasishchev@narfu.ru

Myasishchev Dmitri – Doctor of Technical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University after M.V. Lomonosov.

marching band and a selection of camping equipment. The article heuristic methods, and modern methods of technical design and optimization of parameters and processes that have proved the concept of Arctic mobile Outpost and its optimal personnel structure specialists.

Keywords: *transport technology, Arctic, mobile, complex, outpost, the optimal structure.*

Российская Федерация как держава занимает важное место в сфере многообразной проблематики, сложившейся вокруг экстремумов влияния в области освоения ресурсов Арктики.

Здесь уместно сослаться на ожидаемый в марте 2017 года законопроект Минэкономразвития РФ о создании единой нормативно-правовой базы для реализации стратегических задач развития макрорегиона арктической зоны РФ [2], в котором речь идет о концепции создания опорных зон в Российской Арктике. Сама постановка проблемы развития инфраструктуры для эффективной разработки, прежде всего запасов углеводородного топливного сырья предполагает системный подход к решению многообразных конкретных задач. Одной из них, на наш взгляд, является обоснование структуры и параметров мобильной вездеходной транспортно-технологической системы для арктических условий выступающей в качестве своеобразного аванпоста. Данная функциональная сфера (система) предполагает реализацию предлагаемого далее возможного потенциала на начальном этапе работ по освоению природных богатств конкретно намеченных территорий. Учитывается и дальнейшее использование свойств и качеств компонентов этой системы в процессе возможных прогнозируемых работ как в разработке и добыче природных ресурсов, так и в различных направлениях научно-исследовательской и прочей деятельности (метеорология, астрономия, оборона и т.д.). Речь идет о техническом комплексе средств и их оптимального кадрового обеспечения, решающих насущные вопросы в рамках современных тенденций в аспекте «великого передела Арктики» [3].

Исторически не судоходные мобильные технические системы для освоения арктических и антарктических регионов, в том или ином виде, реализовывались по двум направлениям. Первое представлено многочисленными изначально сугубо транспортными системами для соответствующих, прежде всего надледных перемещений. Это может быть дислокация на большие и малые расстояния (например, отечественные вездеходы «Харьковчанка», «Пингвин», «Витязь ДТ – 10» и зарубежные «Snow Cruiser» (США), «ARKTOS» (Канада)). Указанные машины имеют принципиальную возможность монтажа дополнительных инструментов на свою грузовую платформу. Здесь может быть кран, бурильная установка и пр. Таким образом, вездеход можно также позиционировать себя как вспомогательное средство, аварийно-спасательное или же, как тягач или буксир-амфибию. Возможность его применения ограничивается лишь техническими характеристиками, фантазией и существующим дополнительным технологическим шлейфом. Однако при этом вопросы конкретного комплектования оборудования указанных систем и оптимизации их кадрового

состава в настоящее время представлены не достаточно. Это объясняется тем, что изначально базовые шасси указанного оборудования необоснованно упрощенно заимствовались из военной техники («Харьковчанка», «ARKTOS») или судостроения («Snow Cruiser»), без учета специфики концептуального назначения в экстремальных полярных условиях.

Второе направление представлено многочисленными отечественными и зарубежными дрейфующими полярными станциями и базами (например, отечественные СП «Северный полюс» и зарубежные аналоги, начиная с «дрейфующих станций» в качестве зажатого арктическими льдами судна Фритьофа Нансена и заканчивая мобильными арктическими операциями США „Ski jump“, «Альфа», «Браво» «Чарли», АРЛИС, АЙДЖЕКС [5]).

В качестве яркого примера здесь может служить современная мобильная российская полярная станция «Борнео» [4]. Это ежегодно организуемая Экспедиционным центром Русского географического общества высокоширотная арктическая экспедиция по существу является дрейфующим многофункциональным ледовым лагерем. Функционируя в неразрывной связке с арктической авиацией вблизи Северного полюса, данная дрейфующая база одновременно решает эколого-биологические задачи комплексных исследований Института океанологии РАН и оказывает коммерческие услуги в области туризма.

Последнее указанное направление, надо признать фактически, является мобильным вариантом. При этом глобальный его недостаток – однозначная привязка к траекториям дрейфа льдов и, как следствие этого, территориальная ограниченность применения.

Цель исследования – разработка концепции, как этапа внешнего проектирования (техническое задание, НИР и ОКР) для создания арктического многофункционального вездеходного мобильного транспортно-технологического комплекса-аванпоста и оптимизации его кадровой структуры, с целью технического оснащения системного подрядчика многопрофильных работ (исследовательских, оборонных, поисковых, спасательных, производственных и др.) в специфических условиях Российской Арктики.

Насущность проблемы – отсутствие в настоящее время соответствующих актуальных отечественных разработок.

Изначальная идея предлагаемых подходов – создание многофункциональной, мобильной (в широком смысле – десантируемой, самоходной, плавающей) транспортно-технологической системы, учитывающей первоочередные задачи освоения Арктики и стохастическую специфику условий эксплуатации для достижения приоритетных позиций России в полярных регионах мира.

В прилагаемой вниманию читателя иллюстративной части данного проекта рассмотрены основные Положения, поясняющие оригинальность и новизну всей совокупности предлагаемых технических и организационных решений.

Научная новизна работы, на наш взгляд, заключается в том, что на основе системного анализа впервые предложена совокупность использования морфологических и прогнозных методов, позволяющих решать задачи по разработке технического задания данного полярного проекта. В частности на основе многочисленных первоисточников использовались эвристические методы ментальной карты, Дельфи и ящика Цвикки, а также конкретные расчетные методики технического проектирования и оптимизации параметров и процессов. Далее, ввиду органичности объема изложения, исключены отдельные технические фрагменты работы, но изложены ее принципиальные составляющие. Надписи на иллюстрациях дополняют основные смысловые мотивы предлагаемых решений.

В частности на (рис. 1) представлена концептуальная структура предлагаемого арктического аванпоста.

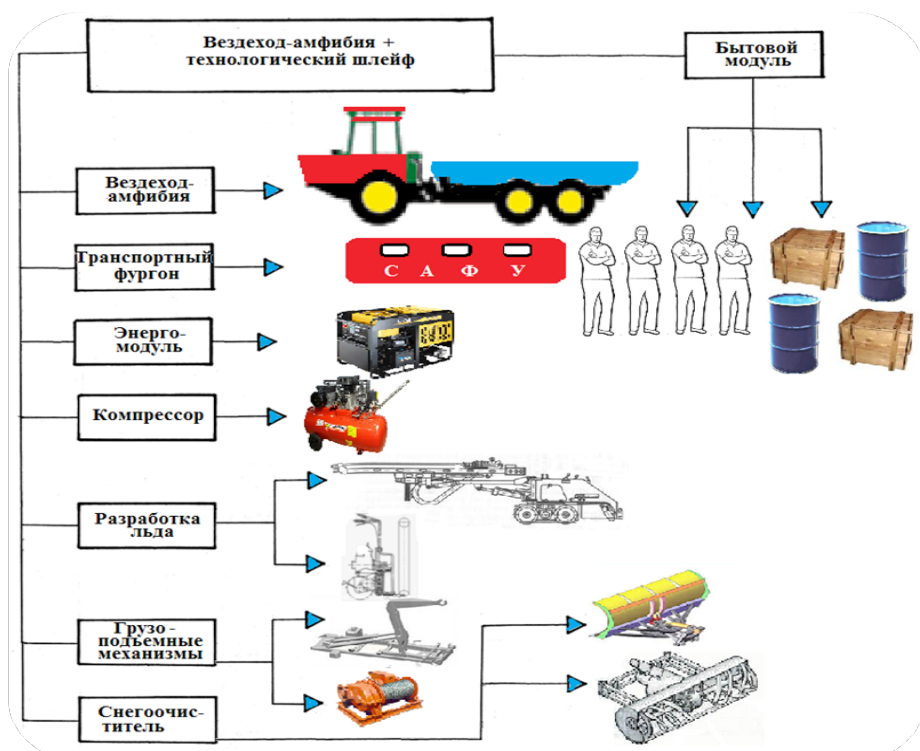


Рис. 1. Схема концепции арктического мобильного аванпоста

Несомненный интерес представляют кадровые компоненты предлагаемого аванпоста, то есть его экипаж специалистов (рис. 2). Целесообразно прогнозировать, что руководитель экипажа (не входит в представленную схему) назначается заказчиком работ по требованиям соответствующим целям и задачам конкретного арктического аванпоста.

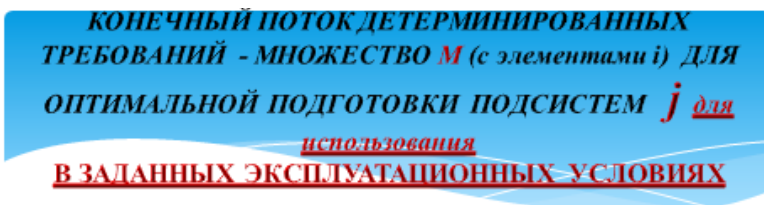


Рис. 2. Возможная кадровая структура специалистов экипажа аванпоста

Логика и мотивация рассуждений, заложенных в этом изображении, следуют из соответствующих надписей и иллюстраций.

В данном случае имеет место быть процесс командообразования в виде синтеза системы управления как формального распределения множества решаемых задач между узлами системы.

Рассмотрим алгоритм оптимального распределения, обеспечивающего минимальное время решения совокупности задач.



- * $i = 1$. Изучение системы технологических требований и технического задания на проведение работ.
- * $i = 2$. Разработка операционных карт для оборудования с учетом специфики условий работы.
- * $i = 3$. Разработка эксплуатационных инструкций оборудования с учетом специфики условий использования агрегата.
- * $i = 4$. Профессиональные контакты с представителями производителя оборудования.
- * $i = 5$. Профессиональные контакты с представителями заказчика работ.

Рис. 3. Система требований к формированию организационно-производственной структуры аванпоста

Имеется система исполнителей работ, состоящая из n членов экипажа – или подсистемы J (рис. 2). На реализацию цели системы (выполнение работ в установленный срок) поступает конечный детерминированный поток m требований к перечню выполняемых этапов работы (на рис. 3 элемент i), обязательных для осуществления каждым специалистом предлагаемого аванпоста.

Возможность рассматриваемой системы определяется матрицей

$$\|t_{ij}\| \quad (i=1\dots,m, j=1\dots,n)$$

t_{ij} – длительность реализации i – того требования j – м специалистом (оценивается на основе статистического анализа параметров (математическое ожидание, дисперсия) случайного распределения данного показателя по известным выполненным организационным мероприятиям в данной области прикладных знаний путем имитационного моделирования (IMITMOD) например методом Монте Карло).

Члены экипажа в общем случае индивидуальны, но каждое требование практически может быть реализовано любым из них, в противном случае, например, если оно по алгоритму дискретной вычислительной процедуры для данного исполнителя уже реализовано, то соответствующее $t_{ij} = \infty$.

Пусть в каждый текущий момент времени отдельный специалист – член экипажа обеспечивает выполнение не более одного требования (совокупность работников, одновременно обеспечивающих в оптимизационной вычислительной процедуре одно какое либо требование, рассматривается как один специалист). Выполнение требования, находящегося за некоторым из членов экипажа, не прерывается для передачи другому члену рассматриваемой команды аванпоста.

Необходимо распределить требования (последовательность выполнения) каждым из специалистов команды мобильного арктического аванпоста таким образом, что бы обеспечить минимальное время выполнения всех поставленных перед экипажем работ, а значит и реализацию требуемой производственной цели в заданный срок.

При организационно программируемом отсутствии ограничений на возможные варианты плана выполнения детерминированных требований (рис.3) каждым из специалистов и без учета момента поступления требований, синтез проекта оптимального формирования экипажа специалистов в рассматриваемой системе арктического аванпоста сводится к задаче методов дискретной оптимизации. А именно: к разбиению множества требований $M = \{1\dots,m\}$ на n непересекающихся подмножеств $N_j (j=1\dots,n)$ и к упорядочению внутри каждого из них.

Критерием разбиения, обеспечивающим оптимальность индивидуальных планов специалистов и графика выполнения организационных работ по быстродействию (минимальное время формирование экипажа в заданный руководством срок) служит

$$\text{Max } T_j \text{ } \bar{T} \text{ } \text{min,}$$

где $T_j = \sum_{i \in N_j} t_i$ – общее время рабочей загрузки j -го специалиста, при условиях:

$$1 \leq j \leq n$$

$$t_j \rightarrow \text{imit mod}$$

$$t_j > 0$$

$$i = 1 \dots m, j = 1 \dots n$$

$$N_k \cap N_l = \Phi, k, l = 1 \dots n, k \neq l$$

$$\bigcup_{j=1}^n N_j = M$$

$$|N_j| \leq k^1 \leq k^2 \leq k^3 \leq m$$

$$T_j \leq T_{j_{дон}}$$

где $|N_j|$ – мощность (число элементов) подмножества N_j ,

k_j – ограничение на число требований по структуре подготовительной работы экипажа, назначаемых в ходе вычислительной процедуры на j -го специалиста,

$T_{j_{дон}}$ – параметрическое ограничение времени (временной загрузки) на реализацию выполнения по условиям отведенного срока на завершение всего комплекса полярных работ для j -го члена экипажа. В ситуации, когда конкретная реализация аванпоста по элементам j и i не обеспечивает соблюдение данного ограничения, требуется пересмотреть кадровый состав экипажа и осуществить выбор более подходящих аналогов предполагаемого технологического оборудования арктического аванпоста.

В данной постановке решение поставленной задачи основывается на положениях известного метода ветвей и границ [1].

Углубленный анализ полученного результата в аспекте прикладного технического проектирования предлагаемой мобильной транспортно-технологической системы, с учетом состояния аналогичных комплексов в смежных областях техники, позволяет сделать следующие концептуальные выводы и рекомендации.

1. Рассматриваемая совокупность технических средств с позиций системного анализа должна основываться на модульном принципе построения.

2. На основе возможного функционально-технологического шлейфа изучаемого арктического комплекса целесообразно транспортно-технологический модуль выполнить в виде шарнирно-сочлененного шасси с задней секцией в виде универсальной грузовой платформы.

3. Грузовую платформу для выполнения монтажно-демонтажных работ внутрисистемного характера и погрузочно-разгрузочных операций общего назначения следует оснастить универсальным манипулятором, например, типа «мультилифт».

4. Принимая во внимание указанные особенности базового транспортно-технологического шасси, с учетом технической реализации разнообразия потенциально-

го рабочего оборудования предлагаемой системы с целью максимальной эффективности использования мощностных возможностей энергетической установки целесообразно применение газотурбинного многотопливного двигателя внутреннего сгорания в совокупности с гидрообъемным безступенчатым приводом движителя шасси и всех возможных силовых исполнительных устройств системы.

5. Предполагая возможность одновременного использования нескольких активных рабочих органов в составе системы, включая гидрообъемную трансмиссию и бортовую схему поворота базового шасси оценка оптимальной мощности энергетической установки составляет 200...250 кВт.

6. Представленная попытка разработать методику командообразования для экипажа предлагаемого арктического аванпоста, с учетом оговоренных параметрических и функциональных ограничений, позволяет осуществить производственно-организационную оптимизацию исследуемой системы.

Ожидаемый результат, по нашему представлению, в значительной степени может способствовать широкомасштабному разветвлению «опорных» многоцелевых плацдармов в Российской Арктике, с целью дальнейшего развития инфраструктурной сети для освоения природных заполярных ресурсов и укрепления морских транспортных коммуникаций России.

Литература

1. Алексеев, О.Г. Комплексное применение методов дискретной оптимизации. – Москва : Наука, 1987. – 248 с.
2. Закон об арктической зоне заработает в марте будущего года // <http://arctica-ac.ru/newstext/63> (дата обращения 04.08.2016).
3. Лукин, Ю.Ф. Великий передел Арктики / Ю.Ф. Лукин – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 400 с.
4. Полярная база Барнео // <http://rossianca.ru/barneo> (дата обращения 04.08.2016).
5. Угрюмов, А.И., Коровин, В.П. На льдине к Северному полюсу. История полярных дрейфующих станций. – Санкт-Петербург : Гидрометеоиздат, 2004. – 125 с.

References

1. Alekseev, O.G. Complex application of discrete optimization methods. – Moscow : Nauka, 1987. – 248 p.
2. The law on the Arctic zone will work in March next year // <http://arctica-ac.ru/newstext/63> (reference date: 04.08.2016).
3. Lukin, Yu.F. Great redistribution of the Arctic. – Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University, 2010. – 400 p.
4. Polar Base of Barneo // <http://rossianca.ru/barneo> (reference date 04.08.2016).
5. Ugryumov, A.I., Korovin, V.P. On the ice to the North Pole. The history of polar drifting stations. – St. Petersburg : Hydrometioizdat, 2004. – 125 p.

S.N. Nikolaeva¹

POST-SOVIET MELANCHOLIA AND IMPOSSIBILITY OF INDIGENOUS POLITICS IN THE RUSSIAN NORTH

Drawing on Paul Gilroy's discussion on post-colonial melancholia – Britain's inability to transcend its imperial past – which posits certain racialized and ethnicized differences as threatening, Etkind argues that the post-Soviet Russia was unsuccessful to develop a new self-description either and still defines itself within its past Soviet discourses (2014, 154), specifically by promoting archaic, essentialized, and exclusionary categories to recognize its minoritized and ethnicized citizens. Indigeneity is a highly politicized identity, however, the idea of being indigenous and using indigeneity to promote one's economic and political advancement are highly circumscribed in post-Soviet Russia. This paper argues that the legally constructed and promoted Russian definition of indigenous peoples denies their true self-recognition. This keeps them unseen, uncounted, legally disadvantaged and economically dependent on the central Russian government.

Keywords: post-soviet, post-colonial, indigeneity, politics of recognition, indigenous politics, Russian North.

Introduction

The term "indigenous" has gone through several transformations since the mid-17th century when it, derived from the Latin *indigena*, was introduced to identify people or products "born or produced naturally in a land or region; Native or belonging naturally to the soil, region, etc." (Hodgson 2002, 1038). The current understanding and definition of "indigenous" reflect the ambiguity of the universal concept of indigeneity as well as of universal indigenous rights, highlighting that they are neither exclusive nor necessary conditions for recognition as indigenous (Hathaway 2010, 304; Li 2000, 151). This broad definition of indigeneity made possible for many groups to draw upon it with various degrees of success in constructing their own indigenous subjectivities within a framework of shared common struggle. As such, indigenous peoples all over the world are increasingly becoming involved in demands for sovereignty, political and cultural self-determination, control over land and natural resources, strategically employing state-

¹ Николаева Сардана Николаевна – PhD, социальный и сравнительный анализ в образовании, PhD, культурная антропология, Университет Манитобы, Канада.

E-mail: nikolaes@myumanitoba.ca

Nikolaeva Sardana – PhD in Social and Comparative Analysis in Education, PhD in Cultural Anthropology, University of Manitoba, Canada.

recognized definitions of indigeneity to challenge hegemonic powers and create new political spaces.

A host of literature on indigeneity articulations shows how indigenous groups gain attention and support from international human rights agencies and environmental organizations by strategically reasserting indigeneity within western stereotypes of “noble savage” or “primitive yet exotic people” (Conklin 1997; Cruikshank and Argounova 2000; Li 2000, 2014; Warren and Jackson 2003). Similar to other indigenous groups who relied on governmental definitions of indigeneity, focusing and celebrating indigeneity only within its cultural terms, indigenous peoples in post-Soviet Russia have to re-negotiate and re-exclude their identities to fit within the state bureaucratic category of indigeneity, in a sense, “incarcerat(ing) themselves in a certain “traditional” lifestyle” (Donahoe 2011, 413).

Building on Etkind’s notion of post-Soviet melancholia and history of the categorical indigeneity in its Soviet past and post-Soviet present, this paper argues that the post-Soviet Russia’s inability to separate itself from its past and desire to return to its earlier Soviet political self resulted in deliberate misrecognition of indigeneity as essentialized, cultural-only, and de-politicized, leaving little room for its political and economic articulations, rendering indigenous politics as impossible.

Post-Soviet post-colonial

Indigeneity has recently become one of the most contentious and debated concepts in post-colonial studies. Weaver relates this contestedness and ambiguity of indigeneity to the certain problematic of post-coloniality to what it seems to be distinctly attached to (2005, 223). According to Weaver, the problematic is that “colonialism is not over”; moreover, indigenous peoples remain colonized as victims of internal colonialism, “swamped by a large mass of colonial settlers who, after generations, no longer have a metropole to which to return” (2005, 223). Similarly, Shohat questions an appropriateness of “post” in “post-colonial” as it implies “the notion of a movement beyond <...> a passage into a new period and a closure of a certain historical event or age” (1992, 102). As such, this new period assumes the collapse of colonialism, de-emphasizes the neocolonial spatio-temporal positionings of settler-states, as well as hinders political associations of post-colonial theories with contemporary anti-colonial or anti-neo-colonial struggles, reproducing the same colonial power relations and discourses of the Other (Shohat 1992, 104). In this sense, ambiguity of post-coloniality leaves little (or even no) space and depoliticizes the struggles of indigenous peoples, dominated by multi- and trans-national corporations within nation-states, subverting a valid critique of these neo-colonial structures of domination (Shohat 1992, 105). Additionally, colonization is more than a mere binary of colonial domination and colonized resistance, and coloniality as well as post-coloniality are more than the west and the rest (Shohat 1992; Weaver 2005). Rather, post-coloniality (or neo-coloniality) is characterized by multiplicity of discourses and contexts, and is not geographically and geopolitically restrictive and exclusive. Moore, for example, states that post-colonialism is believed to describe locations characterized by history of dependence and colonialism, desire for autonomy, and resistance to colonizing

situations, leaving outside locations without obvious colonizer/colonized binary (2001, 112). Moore further specifies that one of these left out locations was the post-Soviet sphere, which postcoloniality was paid little attention to within post-colonial studies (2001, 112). According to Moore, there are two probable explanations for this exclusion: first, he argues the postcolonial critique focused on “the First World caused the Third World’s ills” where “the Second [World]’s socialism was the best alternative”, second, many postcolonial scholars were Marxist or strongly left, therefore “very reluctant to identify the Soviet Union with European colonizers” (2001, 117). He further suggests that the Soviet Union attempted a very different approach to “colonization”, precisely through “a multilayered “voluntary” union of republics – nationalist in form, socialist in content” (Moore 2001, 122). The Soviet Union managed to produce and maintain certain kinds of discourses, which come to be actively embraced by the colonized, destabilizing simple dichotomies of colonizer and colonized, domination and resistance, and “universalizing” categories and conditions (Moore 2001, 122-123). In this sense, the post-Soviet sphere can be better understood as post-colonial, or rather neo-colonial, as it clearly exercised and still exercises neo-colonial control over most of its territory, yet, with a careful attention to its specific conditions and modalities (Moore 2001, 123).

Post-Soviet melancholia

In his article on “post-Sovietness” of the contemporary Russian state, Etkind examines the ambiguity of the “post” in “post-Soviet”, considering the current multiple problems in Russia and wondering if they are determined by its Soviet legacy (2014, 154). The post-Sovietness of Russia has been persisting since 1991, and as Etkind argues, Russia “still defines itself in contrast to its Soviet past” having failed to develop a new self-description (2014, 154). To interrogate this specific condition, Etkind adopted and expanded Paul Gilroy’s concept of “postcolonial melancholia”, a state of “unconscious fixation on the past” and simultaneous “denial of the past” where melancholy, the work of mourning, “remains incomplete and unsuccessful” (2005, 155). According to Gilroy, similar to the postwar Germany’s “loss of a fantasy of the omnipotence” and other racial and national fantasies such as the Aryan master race (2005, 99), the Britain’s postcolonial melancholia suggests that the contemporary Britain’s racist and anti-immigration violence should be understood as “a means to “purify” and re-homogenize the nation” (2005, 102). It is this inability to mourn loss of empire and “loss of certainty about the limits of national and racial identity that result from it” that perpetuates Britain’s longing for its past colonial empire (Gilroy 2005, 106). In a similar vein, Etkind argues the main reasons for Russia’s melancholic arrested development are “its deindustrialization, corruption, dependence on foreign trade and immigrant labor, but most importantly, its economic and political reliance on raw materials, specifically – oil” (2014, 162). The Russia’s “oil curse” concentrates the power in hands of a few oil oligarchs (*oiligarchs* as Etkind refers to them) and security apparatus, creating a highly unequal distribution of wealth, which also perpetuates monopolization of natural resources and power politics, deterioration of human capital, and an ultimate turning of the population into objects of charity who cannot control

their government (Etkind 2014, 162). These post-Soviet oppressive conditions as well as economic de-modernization processes specifically disenfranchised indigenous population (Berezhkov 2012; Koch and Tomaselli 2015; Petrov 2008; Pika 1999). Indeed, while Russia is steadily becoming the largest oil and gas producer in the world, planning to increase its production capacity of oil and gas pipelines located primarily in the North, the local indigenous groups are unsuccessful in protecting their rights to traditional territories. Additionally, Sokolovskiy argues the contemporary political discourse on indigeneity in Russia perceives indigenous peoples as primitive, backward, yet, exotic, influenced by both Soviet and post-Soviet essentialist anthropological and historical theories (2013, 194). This way of thinking facilitates prioritizing oil and gas extraction for the country's economy and development, rendering indigenous peoples' claims as unsubstantial and secondary (Hicks 2011; Koch and Tomaselli 2015; Tomaselli 2014).

Politics of recognition in the Russian North

State recognition of indigeneity in Russia is unique with its explicit primordialism, its thorough institutionalization in state policy, and requirement of the specific administrative terms and conditions (qualitative and quantitative), which ultimately serve to perpetuate the subordinate position of indigenous peoples within the Russian citizenship hierarchy. Indigeneity, as a cultural-only category, was rarely referred to in state policy prior to the Revolution of 1917, except in general terms such as *inozemtsy* "stray persons of different origin" (Donahoe. 2011, 403). The Russian imperialist government did not recognize indigenous populations as citizens, but merely as people from different lands who paid *iasak* (fur tribute) to receive protection from the tsar (Slezkine 1992, 54). This *laissez-faire* attitude changed by the 19th century: *inozemtsy* became *indorodcy* "people of different birth" and *inovertsy* "people of different faith", causing a confusion with other categorizations of outsiders and foreigners and requiring a more specific status to differentiate "local" *inorodcy* and *inozemcy* from other "others" (Slezkine 1992, 52). This caused the construction of a new concept of "backwardness", facilitated by "ethnographic" accounts of foreign and Russian travellers, political exiles, and the Decembrists, who "re-discovered" indigenous people and studied them not as scientific subjects, but as romantic symbols, like "noble savages" (Slezkine 1992, 55).

After the Bolshevik Revolution, the Communist Party deployed the legal terms "native peoples and tribes of the Northern regions" and "small peoples of the North" to refer to around 150,000 of indigenous peoples, mostly residing on the Arctic and sub-Arctic zones of the Soviet Union, who were targeted for the special state socio-cultural, educational, and economic policies and "protections", yet, denied the full citizenship rights because of their "semi-savagery" or "outright savagery" (Slezkine 1992, 55-56). In this sense, the state logic in relation to indigenous peoples was concerned with the creation of the "worthy citizens" with power of bureaucracy and administration (Donahoe 2011, 400-401; Slezkine 1992, 57). The new government first used the category small peoples *malye narodnosti* to legally define indigenous population in 1924 (Donahoe et al. 2008; Donahoe 2011; Slezkine 1992). The Committee Assistance to the Peoples of the Northern Borderlands

(Committee of the North) was also founded in 1924 and was to serve to protect “small peoples” from various capitalist “predators” and exploiters, assist them to “evolve” into full citizens of the Soviet regime (Slezkine 1992, 57). Further, the 1926 statute determined 26 groups as “deserving of special status and state protection” as indigenous peoples (Donahoe et al. 2008, 995). These groups were identified on the basis of ethnic markers such as language, religion, phenotype, traditional mode of production, nomadic way of life, remoteness from administrative and economic centers, and small population size (Donahoe et al. 2008, 995). As such, the legal status of small peoples came to imply a lower level of social organization (often “clan-tribal”) and cultural backwardness, therefore, requiring and justifying special attention from the state because small peoples were “projects that needed to be turned into citizens through the benevolent guidance of the state” (Donahoe 2011, 400).

The explicit term “indigeneity” was first mentioned in the new Constitution of Russia in 1993, emphasizing differences between national and international understandings of indigeneity (Stammler-Gossmann 2009, 70). Further, the Constitution introduced the term indigenous small-numbered peoples *korennye malochislennye narody* and legally codified it on March 24th, 2000 (Donahoe et al. 2008, 997-998). The word *korennye*, derived from the Russian word for *root*, implied the rootedness, autochthony (original, primal and primordial right to belonging) and indigeneity (Donahoe et al. 2008, 997). In addition, the change from small *malye* to small-numbered *malochislennye* changed connotation from patronizing to more acceptable, accentuating importance of the population size of indigenous groups. Currently, the Russian Federation legally recognizes only 46 groups as indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East (Koch and Tomaselli 2015, 7; Tomaselli 2014, 1). The status of indigeneity can be granted if a group meets four specific official criteria: a number of members cannot exceed 50,000, a group needs to maintain a traditional way of life, group members must reside in ancestral and traditionally inhabited territories, and, finally, group needs to self-identify as a distinct ethnic community (Koch and Tomaselli 2015, 7; Tomaselli 2014, 1). Here, the specific 50,000 quantitative property was created using the figures from the 1989 census, when the largest recognized small peoples, the Nenets, numbered around 35,000 (Donahoe et al. 2008, 998). The convenient figure of 50,000 was determined to be high enough to allow the largest small-numbered peoples some possibility for growth, yet, the threshold was far below the size of another indigenous group, Altaians (62,000), who were not legally recognized as indigenous (Donahoe et al. 2008, 998). This numerical politics of indigeneity recognition still creates considerable tensions between the small and larger indigenous groups, as it presumes that some indigenous peoples are more indigenous than others, and that some groups can be written out of the indigeneity discourses, disadvantaging them economically and politically in the process (Cruikshank and Argounova 2000, 97-98; Donahoe 2011, 410; Maj 2012, 211). Miller, for instance, argues that these sorts of bureaucratic circumscriptions of indigeneity are created and deployed by the states to control, manage, and contain indigenous populations in designated areas, minimizing

the threat posed by their assertions of difference, reducing a number of beneficiaries, and necessarily causing a conflict between recognized indigenous and would-be but not yet recognized groups (2003, 209). In this sense, the unambiguous definitions, categorizations and recognitions of indigeneity in the Russian context ignore the necessary complexities as well as contradictions of the lived experiences, consequently benefitting the state, marginalizing and disregarding indigenous peoples' rights, their potential grievances and struggles.

Impossibility of indigenous politics and movement

The current issues faced by indigenous communities in the Russian North primarily revolve around land rights, natural resources, and indigenous peoples' participation in decision making at the regional and federal levels as autonomous political agents, urging an importance of indigenous civil society, indigenous activism, and political awareness (Balzer 2014; Fondahl and Poelzer 2003; Pika 1999; Shadrin 2015). However, according to Fondahl and Sirina, indigenous groups in Russia are usually lack of practical capacity to defend their rights legally because of the legacy of the Soviet educational policies, when indigenous peoples were primarily trained to be teachers, medical and cultural workers, rather than lawyers, economists, scientists and business people (2006, 132). In addition, during the Soviet period, the political life was regulated by the representatives of newcomers, mainly ethnic Russian, organizations, which were not involved with politics at the national levels, causing a frequent manipulation with the legal rights and knowledge to benefit the state rather than indigenous peoples, resulting in a lack of political activity among indigenous peoples (Petrov 2008; Semenova 2007). This situation has changed with the emergence of international indigenous movements, protesting hegemonic neo-liberal governments and economic, political, and cultural marginalization of indigenous peoples around the globe (Semenova 2007, 24). As a result, local indigenous groups turned to global articulations of indigeneity and engaged in a wide range of frameworks for constructing their subjectivities, re-shaping the post-Soviet indigeneities that came to mean much more than "pretty costumes, choreographed dances, and music ensembles" (Donahoe 2011, 404). Gradually, indigeneity became politicized in terms of access to and control over land, natural resources, self-determination, and sovereignty, giving rise to political mobilizations around it (Gray 2005; Koch and Tomaselli 2015; Semenova 2007; Silanpaa 2000). One of the largest indigenous organizations, the Russian Association of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North (the RAIPON) *Assotsiatsiia Korennykh Malochislennykh Narodov Severa*, was established on March 1990 as a non-governmental umbrella organization at the First Congress of Indigenous Peoples of the North (Semenova 2007, 25). The RAIPON's primary goal was "to protect the legitimate interests and rights of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation" (Semenova 2007, 25), including rights to land, natural resources, and self-government in line with both international standards and Russian legislation on indigenous peoples.

The establishment of the RAIPON and its attempts to transform the discourse on indigeneity from a primordialist culturalized notion ("primitive savage" or "noble savage")

to a more politicized concept essentially changed how indigenous peoples viewed themselves as well as their experiences within the post-Soviet sphere (Donahoe 2011, 404). The RAIPON and other small-scale indigenous organizations urged reconstructing essentialized indigeneity and instrumentalizing it in the human rights claims in tune with the international indigenous movement discourses and the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples of 2007 (Donahoe 2011, 404). The category of indigeneity, created and deployed to control, manage and administer indigenous peoples became an important and successful source of self-determination, directly resulting in an increase of the number of indigenous groups from 26 to 46 between 1993 and 2000 (Donahoe 2011, 999).

Out of numerous indigenous organizations in Russia, the RAIPON was particularly successful in mobilizing people and promoting the rights of indigenous peoples (Semenova 2007, 25). Due to these politicized activities and efforts of the RAIPON and other emerged indigenous organizations, an increasing number of indigenous peoples started to ascertain their rights by filing lawsuits when their regional and federal rights were violated – some of them were successful, some were not mainly because of the Russian prioritization of economic revenues, such as the extraction industry in certain areas (Koch and Tomaselli 2015, 15). However, despite the considerable achievements of the indigenous organizations, indigenous peoples' living conditions continue deteriorating (Koester 2005; Pika 1999; Tomaselli 2014), and even though the problems were well documented, many regional and federal public officials stayed oblivious about indigenous social and economic everyday struggle. In addition to the continuous social, economic and political marginalization, the ecological destruction brought by industrial development and destabilizing state economic policies seriously threatened the livelihood of indigenous peoples dependent on the land for subsistence, as many of them returned to pursue the traditional subsistence activities after the collapse of the Soviet Union (Fondahl and Sirina 2006; Hicks 2011; Tomaselli 2014). It seems that, along with the economic disempowerment and poor implementation of indigenous rights in relation to land and its resources, the post-Soviet period brought a new political order, dominated by the powerful industrial corporations, concentrating the power in the hands of a few wealthy *oiligarchs* (Etkind 2014, 163).

These issues concerning indigenous peoples have recently become hotly discussed and caused heated debates in the Russian political arena. The continuous political and economic marginalized position of majority of indigenous peoples forced the RAIPON and other indigenous organizations to occupy a more critical position in regards to the protection of indigenous rights at the national and international levels (Tomaselli 2014, 13). This strategic attempt resulted in the Russian governmental order to shut down the RAIPON between 2012 and 2013 (Berezhkov 2012, par. 1; Tomaselli 2014, 7). In *the Novaya Gazeta* (New Newspaper online publication), Berezhkov, a then vice-president of the RAIPON, argues that the organization has been taken down due to its active engagement in defending indigenous rights, openly discussing the problems faced by indigenous

peoples to a wide international audience, participating in the international indigenous movement, and cooperating with the international organizations in the development of the laws pertaining to indigenous rights (2012, par. 16-33). Moreover, Berezhkov highlights that the powerful extraction companies, backed up by the Russian government authorities, are violating the rights of indigenous peoples to their ancestral and traditional territories, creating conflict over land and its natural resources (2012, par. 46). The RAIPON was eventually granted the permission to re-open in 2013 due to the campaign led by the Survival International, an international human rights organization, supported worldwide by the indigenous NGOs and leading experts on indigenous issues (Koch and Tomaselli 2015, 6). However, the administrative closing down of the RAIPON, the only organization empowered to represent 46 different indigenous groups in the Russian political milieu, seems to reveal the strategy pursued by the Russian state authorities to eliminate the barriers in favor of the Russian extraction corporations (Berezhkov 2012; Koch and Tomaselli 2015).

These recent predicaments with the indigenous organizations and indigenous rights confirm the Russian governmental wariness about granting rights to groups and individuals who claim indigeneity status as defined by the international and transnational organizations (Donahoe et al. 2008, 1008). Such claims, if raised, could reveal major political and economic issues, specifically threatening the state's control over the regions with economically critical natural resources (Berezhkov 2012; Donahoe et al 2008). Thus, it is not surprising that the Central Russian government chooses to maintain the strictly defined category of indigeneity, based primarily on stereotypical imageries of indigeneity and indigenous peoples (Balzer 2014; Bloch 2004; Ssorin-Chaikov 2003). Similar to the US state-sanctioned blood quantum and litmus tests (proof of blood, historical and cultural continuity) (Miller 2003, 9), the administratively constructed anti-political recognition of indigeneity serves as a practical, "graspable", and profoundly political strategy of the Russian government, which, first and foremostly, leaves little room and restricts the politicized articulations of indigeneity at the local and federal levels. As such, the deliberate identification of economically and politically marginalized indigenous peoples of the Russian North with the international more successful indigenous movements can be seen by the Russian center as a political strategy to gain control over the land and its natural resources (Hicks 2011, 230).

Consequently, many indigenous organizations and activists prefer distancing themselves from politicization of indigeneity, emphasizing its cultural-only recognition, therefore, conforming to the state norms and expectations as well as hierarchical social and political relationships (Hicks 2011; Yeh 2007). Moreover, as Gray argues, the post-Soviet indigenous mobilizations are often seen as a continuation of the Soviet social organization and Soviet civil society (2005, 41-43). Gray points out the incomplete and ineffective nature of this sort of indigenous activism as they have been dominated by a small group of urban intellectuals at the expense of the rural indigenes (2005, 36), ultimately representing what

Antonio Gramsci refers to as leadership of “traditional intellectuals” (1999, 150-151). In this sense, the post-Soviet indigenous politics can be understood as “melancholic politics”, unable and unwilling to let go of the past and remain fixated in the past. In her discussion of the melancholic politics in the context of India, Roy defines the contemporary Indian feminist movement as melancholic, therefore depoliticized (2009, 343). According to Roy, melancholic politics of Indian feminism were characterized by institutionalization, being funded by foreign agencies and led by professionalized “nine-to-five” feminists, promoting corporatization and careerism rather than radical and authentic politics (2009, 343). In the similar manner, the particular melancholic attachment of the post-Soviet indigenous movements to the Soviet system of social activism seems to depoliticize the current indigenous politics and marginalize indigenous rights, which are constitutionally recognized, however ineffective and unproductive, leaving indigenous peoples victims of government’s prioritized industrial interests (Tomaselli 2014, 5).

Conclusion

The idea of being indigenous and using indigeneity to promote one’s economic and political advancement are highly circumscribed in the Russian context, as the legally constructed definition of “indigenous small-numbered peoples” denies true self-determination of indigenous peoples and keeps them uncouneted and dependent (Donahoe 2011, 412). Similar to other indigenous groups who relied on the elite articulations of indigeneity, focusing on and celebrating particular limited markers of identity, indigenous peoples in Russia have to re-create and re-negotiate their identities to fit within the codified-in-law bureaucratic definitions of indigeneity, in a sense, “incarcerat(ing) themselves in a certain “traditional” lifestyle” (Donahoe 2011, 413). The post-Soviet period boasted the “democratic methods” of governance, resulting in intensive revitalization movements within indigenous regions, where indigenous peoples had an opportunity to re-examine and re-claim their languages, cultures, and traditional types of economic activity (Diatchikova 2011, 223). However, the post-Soviet melancholic focus on the cultural aspects of indigeneity, essentially “territorialized ethnicity”, served “to reinforce and perpetuate the perception of indigenous peoples as “traditional”, backward, living in isolated communities, and, because of their small population size, being on the verge of extinction, incapable of self-determination, and in need of the state’s protection and administration” (Donahoe et al. 2008, 1009). As such, it is argued that the Russian government deploys its official definition of indigeneity to ensure control over indigenous peoples and leaves little room to politicized indigeneity discourse, administering and restricting political and economic articulations of indigeneity at the local and national levels (Donahoe et al. 2008; Hicks 2011; Tomaselli and Koch 2012). The creation of indigenous subjects in the Russian case is, then, a process of de-politicization of indigeneity, positioning it not as a powerful source of resistance and political voice that could garner sympathy and support from a broad international audience, but rather as a position of marginality, based on its cultural origins.

References

1. Balzer, Marjorie. 2014. "Indigenous Cosmopolitans, Ecological Defense, and Activism in Russia's Arctic." *Siberian Historical Review* 2: 1-19.
2. Berezkhov, Dmitry. "Why the Russian Government Shuts down RAIPON – Background Article." International Working Group for Indigenous Affairs. November 28, 2012. Accessed December 3, 2015. http://www.iwgia.org/news/search-news?news_id=710
3. Bloch, Alexia. 2004. *Red Ties and Residential Schools: Indigenous Siberians in a Post-Soviet State*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
4. Conklin, Beth. 1997. "Body Paint, Feathers, and VCRs: Aesthetics and Authenticity in Amazonian Activism." *American Ethnologist* 24(4): 711-737.
5. Cruikshank, Julie, and Tatiana Argounova. 2000. "Reinscribing Meaning: Memory and Indigenous Identity in Sakha Republic (Yakutia)." *Arctic Anthropology* 37(1): 96-119.
6. Donahoe, Brian, et al. 2008. "Size and Place in the Construction of Indigeneity in the Russian Federation." *Current Anthropology* 49(6): 993-1020.
7. Donahoe, Brian. 2011. "On the Creation of Indigenous Subjects in the Russian Federation." *Citizenship Studies* 15(3-4): 397-417.
8. Etkind, Alexander. 2014. "Post-Soviet Russia: The Land of the Oil Curse, Pussy Riot and Magical Historicism." *boundary 2* 41(1): 153-170.
9. Fondahl, Gail, and Greg Poelzer. 2003. "Aboriginal Land Rights in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century." *Polar Record* 39(209): 111-122.
10. Fondahl, Gail, and Anna Sirina. 2006. "Rights and Risks: Evenki Concerns Regarding the Proposed Eastern Siberia-Pacific Ocean Pipeline." *Sibirica* 5(2): 115-138.
11. Gilroy, Paul. 2005. *Postcolonial Melancholia*. New York: Columbia University Press.
12. Gramsci, Antonio. 1999. *The Intellectuals*. In *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*, edited by Quentin Hoare and Geoffrey Nowell Smith, 150-151. London: ElecBook.
13. Gray, Patty A. 2005. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.
14. Hathaway, Michael. 2010. "The Emergence of Indigeneity: Public Intellectuals and an Indigenous Space in Southeast China." *Cultural Anthropology* 25(2): 301-333.
15. Hicks, Susan. M. "Between Indigeneity and Nationality: The Politics of Culture and Nature in Russia's Diamond Province." Doctoral dissertation, University of British Columbia, Vancouver, 2011.
16. Hodgson, Dorothy L. 2002. "Introduction: Comparative Perspectives on the Indigenous Rights Movement in Africa and the Americas." *American Anthropologist* 104(4): 1037-1049.
17. Koch, Anna, and Alexandra Tomaselli. "Indigenous Peoples' Rights and Their (New) Mobilizations in Russia." *European Diversity and Autonomy Papers*, (2015): 1-22. doi: www.eurac.edu/edap
18. Koester, David. 2005. "Global Movements and Local Historical Events: Itelmens of Kamchatka Appeal to the United Nations." *American Ethnologist* 32(4): 642-659.

19. Li, Tania M. 2000. "Articulating Indigenous Identity in Indonesia: Resource Politics and the Tribal Slot." *Comparative Studies in Society and History* 42(1): 149-179.
20. Miller, Bruce G. 2003. *Invisible Indigenes: The Politics of Nonrecognition*. Lincoln and London: University of Nebraska Press.
21. Moore, David C. 2001. "Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique." *PMLA* 116(1): 111-128.
22. Petrov, Andrey. N. 2008. "Lost Generations? Indigenous Population of the Russian North in the Post-Soviet Era." *Canadian Studies in Population* 35(2): 269-290.
23. Pika, Alexander, ed. 1999. *Neotraditionalism in the Russian North: Indigenous Peoples and the Legacy of Perestroika*. Seattle & London: University of Washington Press.
24. Roy, Srila. 2009. "Melancholic Politics and the Politics of Melancholia: The Indian Women's Movement." *Feminist Theory* 10(3): 341-357.
25. Semenova, Tamara. 2007. "Political Mobilization of Northern Indigenous Peoples in Russia." *Polar Record* 43(223): 23-32.
26. Shadrin, Vyacheslav. 2015. "How are Indigenous Peoples and Communities in Northern Yakutia Affected by Industrial Development?" *Sustainable Development in the Circumpolar North. From Tana, Norway to Oktemtsy, Yakutia, Russia 1*: 201-215. doi: <http://dx.doi.org/10.7557/5.3214>.
27. Shohat, Ella. 1992. "Notes on the "Post-Colonial." *Social Text* 31/32: 99-113.
28. Silanpaa, Lennard. 2000. "Small Nations of the Russian North and their Rights as Indigenous Peoples: Some Observations and Preliminary Hypotheses." *Journal of Legal Pluralism* 45: 77-89.
29. Slezkine, Yuri. 1992. "From Savages to Citizens: The Cultural Revolution in the Soviet Far North, 1928-1938." *Slavic Review* 51(1): 52-76.
30. Sokolovskiy, Sergey. "Rooted or Extinct? Post-Soviet Anthropology and the Construction of Indigenousness." In *Anthropology and the Politics of Representation*, edited by Gabriela Vargas-Cetina, 193-211. Tuscaloosa AL.: The University of Alabama Press, 2013.
31. Ssorin-Chaikov, Nikolai V. 2003. *The Social Life of the State in Subarctic Siberia*. Stanford: Stanford University Press.
32. Tomaselli, Alexandra. 2014. "Implementation of Indigenous Rights in Russia: Shortcomings and Recent Developments." *The International Indigenous Policy Journal* 5(4): 1-21.
33. Warren, Kay B., and Jean E. Jackson. "Studying Indigenous Activism in Latin America." In *Indigenous Movements, Self-Representation and the State in Latin America*, edited by Kay B. Warren and Jean E. Jackson, 1-46. Austin: University of Texas Press, 2003.
34. Weaver, Jace. "Indigeness and Indigeneity." In *A Companion to Postcolonial Studies*, edited by Henry Schwarz & Sangeeta Ray, 221-235. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2005.
35. Yeh, Emily T. "Tibetan Indigeneity: Translations, Resemblances, and Uptake." In *Indigenous Experience Today*, edited by Marisol de la Cadena and Orin Starn, 69-97. Oxford, New York: Berg, 2007.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 379.85

**Е.Е. Тотонова¹, Д.А. Алексеев², М.А. Амбарян³,
М.Ф. Васильева⁴, Д.Д. Ефремов⁵, А.Л. Слепцова⁶, О.В. Стрекаловская⁷**

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА ПРИРОДНОГО ПАРКА «ЛЕНСКИЕ СТОЛБЫ»

IDENTIFICATION OF TOURISM DEVELOPMENT POTENTIAL OF THE NATURE PARK «LENA PILLARS»

Статья посвящена вопросам развития туризма в Природном парке «Ленские Столбы». Авторами представлен анализ туристского потенциала парка. По итогам исследова-

¹ Тотонова Елена Егоровна – к.г.н., доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

E-mail: elena.totonova@mail.ru

Totonova Elena – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

² Алексеев Дмитрий Аркадьевич – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: twiki@mail.ru

Alekseev Dmitry – Master's Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

³ Амбарян Марине Амаяковна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: mari_amb@mail.ru

Ambaryan Marine – Master's Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

⁴ Васильева Мария Филипповна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: vasilieva-mariia@list.ru

Vasilyeva Maria – Master's student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

⁵ Ефремов Джулустан Данилович – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: kotorkyl@gmail.com

Efremov Djulustan – Master's Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

⁶ Слепцова Анастасия Львовна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: sleptsova_a@list.ru

Sleptsova Anastasia – Master's Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

⁷ Стрекаловская Оксана Владиславовна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: strekalovskayao@mail.ru

Strekalovskaya Oksana – Master's Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

дований даются рекомендации по дальнейшему развитию туризма на территории Природного парка.

Ключевые слова: природный парк «Ленские Столбы», Республика Саха (Якутия), туризм в Якутии, туризм в особо охраняемых природных территориях, развитие туризма в Якутии.

The article is devoted to the development of tourism in the Natural Park «Lena Pillars». The analysis of the touristic potential of the park is presented by the authors. Based on the results of the research, the authors give recommendations of the further development of tourism in the territory of the Natural Park.

Keywords: nature park «Lena Pillars», Republic Sakha (Yakutia), tourism in Yakutia, tourism in specially protected natural areas, tourism development in Yakutia.

На сегодняшний день, туризм является одной из ведущих и наиболее развивающихся отраслей экономики и за быстрые темпы он признан экономическим феноменом столетия. Быстрому его развитию способствует расширение политических, экономических, научных и культурных связей между государствами и народами мира. Массовое развитие туризма позволяет миллионам людей расширить свой кругозор, познакомиться с достопримечательностями, природой, культурой, традициями разных регионов мира, в том числе и Республики Саха (Якутия).

В настоящее время в связи с увеличением количества городских жителей, уровня дохода отдельных групп населения и с ростом свободного времени значительно возросла мобильность населения и туристам стали доступны самые удаленные участки республики. Это также обусловило устойчивый рост потребностей в рекреационных ресурсах и в различных видах отдыха на природе. В якутском туристском рынке лидером по предоставлению туруслуг является Природный парк «Ленские Столбы».

Природный парк «Ленские Столбы» является особо охраняемой природной территорией республиканского значения, где расположены уникальные ландшафты – знаменитые Ленские Столбы. Основной функцией Природного парка является охрана территорий Природного парка, соблюдение режима парка, культурно-просветительская, эколого-просветительская пропаганда среди населения, воспитание поколения с экологическим мировоззрением, работа со школами, развитие экологического туризма внутри республики.

Туризм является важной составляющей хозяйственной деятельности в охраняемых территориях и осуществляется под контролем экологов. Организация туризма на территории Природного парка «Ленские столбы» предполагает разработку и реализацию собственного турпродукта парка для обеспечения финансовой устойчивости, развития рекреационной инфраструктуры и систему регулирования потока посетителей для снижения негативного воздействия на природные и историко-культурные комплексы парка. То есть, развитие туризма в парке является источником и средством самофинансирования и инструментом охраны природы.

Природный парк «Ленские Столбы» Республики Саха (Якутия) (далее Природный парк – ПП) является Государственным бюджетным учреждением Республики Саха (Якутия) и относится к республиканской системе особо охраняемых природных территорий. Парк находится в ведении Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия), которое осуществляет общее руководство и координирует деятельность парка [15].

Целью создания ПП «Ленские Столбы» является сохранение эталонных и уникальных участков природных, историко-культурных комплексов и объектов, имеющих экономическую и историческую ценность в силу благоприятного сочетания различных элементов естественных ландшафтов и использование их в рекреационных, просветительских, научных и культурных целях. Национальный ПП «Ленские столбы» был образован в 1995 году. В 2012 г. ПП включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО для сохранения уникальных природных объектов (Ленские, Буотамские и Синские Столбы), исторических, культурных памятников, археологических и палеонтологических объектов как Диринг-Юрях [3].

На территории Природного парка действует дифференцированный режим охраны, защиты и использования природных ресурсов с учетом местных природных, историко-культурных и социальных особенностей. В соответствии с этим на территории Природного парка выделены следующие зоны: заповедная зона, зона (территория) традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности, зона туристской и рекреационной деятельности и зона искусственного содержания и развития редких исчезающих видов животных.

Территория Природного парка располагается на землях, предоставленных ему в постоянное (бессрочное) пользование и на территориях иных пользователей, включенных в границы парка, общей площадью 1 353 000 га. Парк находится на территории земель Хангаласского и Олекминского улусов и состоит из двух изолированных участков таких как «Столбы», находящийся на правом берегу реки Лена и по бассейну реки Буотама с площадью 1 272 000 га и участка «Синский» занимающий территорию площадью 81 000 га на левом берегу реки Лена выше устья реки Синяя. Участок Синский включает территорию эвенкийской родовой общины «Юнкюр» (39 000 га), относящейся к зоне традиционного природопользования и к зоне туристско-рекреационной деятельности (42 000 га) [2].

Хангаласский район обладает мощным туристско-рекреационным потенциалом – уникальными природными комплексами, близостью к столице республики, удобной транспортной схемой, расположением на берегах реки Лены, наличием инженерных коммуникаций – все это создает условия для развития экологического, охотничье-рыболовного и приключенческого туризма, представляющий быстрорастущий рыночный сегмент. Развитие туризма – одно из четырех приоритетных направлений, наряду с производством строительных материалов, развитием сельского хозяйства и развитием малого и среднего предпринимательства, зафиксированных в Плане социально-экономического развития МР «Хангаласский район» на 2012-2016 гг. На тер-

ритории улуса, вдоль берега реки Лена расположены ведомственные базы отдыха МВД «Сосновый бор», ПП «Ленские столбы», база отдыха Правительства Республики Саха (Якутия), которые за летний период организуют отдых своих сотрудников, а также других туристов по договору.

В настоящее время на территории Ленских Столбов активно развиваются экологический и экстремальный виды туризма. В Природном парке выделена специальная зона для туризма и рекреации. Это места познавательного туризма, для экологического просвещения и ознакомления с достопримечательностями парка, а также для отдыха. Практическая реализация идеи гибкой пространственной структуры достигается созданием сети туристических баз. Туристические базы рассчитаны на одно-двухдневные посещения, служат началом или окончанием туристских маршрутов. Каждая база рассчитана для проживания 20-30 человек, с условиями проживания, питания и отдыха (табл. 1) [5].

Таблица 1

Маршруты и базы отдыха Природного парка «Ленские Столбы»

№	Наименование	Место расположения	Описание маршрутов и предоставляемых услуг
1	Туристическая база отдыха «Устье Буотамы»	Устье р. Буотама	2-4-х местные отапливаемые в холодную погоду домики могут вместить одновременно 30 человек. Имеется небольшой визит-центр, навес-столовая, дизельная электростанция, несколько 4-хместных летних не отапливаемых домиков, а также ураса, удобная для проведения семинаров.
2	Верхне-Бестяхская база отдыха	Бестях	Имеется гараж, баня, 3 летних домика, рассчитанные на 20 койко-мест, беседка, песчаный пляж, где при желании можно поставить палатки. Несколько раз в неделю отходит теплоход на Буотамскую базу. Недалеко от базы проходит автомобильная трасса.
3	База отдыха «Батамай»	левый берег р. Лена, напротив Ленских Столбов	Имеется гостевой домик, баня, гараж, песчаные пляжи. На территории базы находится летний лагерь школьников «Подросток» Хангаласского улуса. Рыбалка, сбор ягод.
4	Экскурсионная тропа «Ленские Столбы»	Местность р. Лабыдья	Время экскурсии 2 ч., высота около 220 м, продолжительность тропы 2 км. Направление: от берега р. Лена вдоль ручья Лабыдья, подъем по лестнице. Проводится обряд очищения «Алгыс». Наверху есть две смотровые площадки, беседка для отдыха. Внизу имеется пикниковая зона, сувенирный магазин.

5	Сплав по р. Буотама	р. Буотама	Продолжительность – 3 дня. Начинается от местности Куонаан на р. Буотама. Окончание маршрута в с. Качикатцы. На кордоне выдается все необходимое оборудование для сплава (резиновые лодки, спасательные жилеты, палатки).
6	Сплав по р. Синяя	р. Синяя	Сплав начинается с р. Матта, до п. Синск, продолжительность – 100 км, длительность – 5 дней. Относится к 4 степени сложности прохождения. Сплав возможен на байдарках и резиновых лодках.
7	Экологическая тропа «Пернатый мир Буотамы»	от Усть-Буотамской базы отдыха озера Хара-Уулаах	Пешеходная экскурсия протяженностью 5 км, продолжительность 2-4 ч. Тропа начинается от Усть-Буотамской базы отдыха. Проходит по залесенной приустьевой части левобережья долины р. Буотама до озера Хара-Уулаах, где организован санктuariй и вышка для наблюдений за птицами.
8	Экологическая тропа «Бизонарий»	устье р. Буотама	Пешая прогулка до бизонария, показ лесных бизонов в специальном загоне, где можно фотографироваться на фоне пасущихся животных, познавательная лекция о лесных бизонах, их значении в природе, истории акклиматизации в Якутии.
9	Экскурсионная тропа «Тукулан»	от устья р. Буотама до песчаной дюны Тукулан	Огромные массивы развеваемых песков называются тукуланами. (от эвенкийского «тукула» – песок, «тукулан» – песчаный массив или дюна). Здесь царствуют пески, образовав кусочек настоящей пустыни среди зеленой тайги. Считаются «экзотикой якутской природы».
10	Экскурсия на стоянку древнего человека «Диринг-Юрях»	Местность Диринг-Юрях	Находится на высоте свыше 105-120 м над рекой. Здесь обнаружены стоянки древних людей, древние орудия труда, возраст которых 1,8-2 млн. лет. По возрасту эти находки приближаются и превышают древние орудия, найденные в Африке [7].

Ист.: [3; 4; 16; 17]

Ежегодно на Ленских Столбах проводятся многочисленные мероприятия, парк проводит пленэр «Золото Ленских Столбов», фестивали фольклорной и авторской песен, а также один из главных фестивалей республики – фестиваль «Зимние Ленские столбы».

В будущем в районе Буотама планируется открытие нового маршрута «Железоплавильные печи Буотамы», а в Батамайе предполагается разработка маршрута альтернативного речному. Из-за удорожания ГСМ путевки на судах речного транспорта

стали очень дорогими, следовательно, необходимо иметь альтернативный вариант – автомобильный маршрут.

Следует также отметить, что на стадии разработки находится еще один новый маршрут Чуран-База. В перспективе маршрут может иметь большой интерес как «экстрим». Туристы добираются до местности «Чуран-база», речным транспортом, на местности знакомятся с историей Чуран-Базы, как перевалочной базы по освоению золотого Алдана, затем по Томмотской дороге добираются до р. Буотамы и сплавляются по реке, второй вариант данного маршрута – сплав по р. Лена. Маршрут апробирован и вполне конкурентоспособен [5].

С 2006 года ведется мониторинг посещений территории Природного парка «Ленские Столбы». За десять лет ведения мониторинга наблюдается колоссальный рост туристского потока. С каждым годом возрастает интерес не только въездного, но и внутреннего туризма. На основе данных отчета Государственного бюджетного учреждения Природный парк «Ленские Столбы» составлена диаграмма посещения парка по годам (рис. 1).

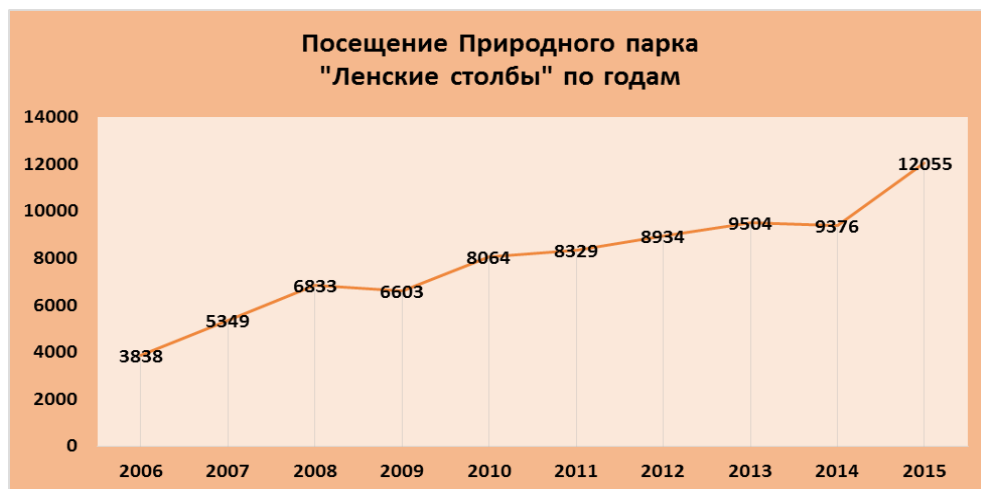


Рис. 1. Посещение туристами ПП «Ленские Столбы» за 2006-2015 гг.

Ист.: [5; 16]

По данным рис. 1 за 2006-2014 гг. наблюдается рост количества посетителей Природного парка «Ленские Столбы» почти в 3 раза. По сравнению с мировым туристским потоком показатели посещаемости туристами ПП являются каплей в море, но в случае Республики Саха (Якутия) – это большие показатели. Так, за 2006-2008 гг. отмечается рост количества посетителей. По сравнению с периодом 2006-2008 гг., период с 2012 по 2014 г. данные по посещаемости туристов намного меньше, на что оказали влияние частые лесные пожары на территории Природного парка. Так, в 2012 г. с середины июля некоторая часть ПП была закрыта для посещения, кроме того,

немаловажную роль играет также высокий уровень воды на реке Лена. Так как на пике якутского купального сезона не было удобных естественных песчаных пляжей для купания, а низкая температура воды из-за холодного лета способствовало сокращению потока туристов. По нашим экспертным оценкам в 2015 г. ПП с рекреационными (туристскими) целями посетили 12055 человек [16].

Рост показателей посещаемости ПП «Ленские Столбы» можно объяснить повышенным интересом к экологическому туризму, отдыху на природе. В этом плане парк идеально подходит: уникальная нетронутая природа с благоприятными условиями окружающей среды, наличие редких видов флоры и фауны, историко-культурных объектов, уникальные природные ландшафты, включенные в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Следует также отметить, что в последнее время в республике развивается быстрыми темпами внутренний туризм с обязательным посещением ПП. Это можно объяснить с увеличением дохода отдельных групп населения, а также ростом количества свободного времени местного населения. Безусловно, каждый житель Якутии гордится достоянием своей республики и уделяет внимание посещению уникального ПП «Ленские Столбы».

Основными месяцами приема туристов ПП являются июнь-август. Данный пик связан с проведением различных событийных мероприятий, летними каникулами у детей и временем отпусков у работающего населения.

Современные средства речных пассажирских перевозок весьма разнообразны. Средства речных пассажирских перевозок, которые предлагает ООО «Речной порт Якутск» для движения по линии Якутск-Ленские Столбы, можно классифицировать следующим образом: большие судна с двигателем внутреннего сгорания – речные теплоходы, типа «Механик Кулибин», «Михаил Светлов», «Демьян Бедный»; пассажирские флота типа «Ракета», «Метеор», «Полесье»; прогулочный теплоход «Герой Н. Чусовской»; небольшие пассажирские суда – катера; моторные лодки всех типов [19].

Следует отметить, что по перевозке туристов до стоянки ПП «Ленские столбы» свои услуги также предлагают индивидуальные предприниматели, имеющие личный водный транспорт, с близлежащих населенных пунктов г. Покровск, с. Булгунняхтах, с. Еланка, с. Тумул, с. Тит-Ары, с. Синск.

За время научно-исследовательской работы в ПП теплоходы «Демьян Бедный» и «Михаил Светлов» прибыли 20 раза, «Метеор» – 6 раза, «Ракета» – 1, теплоход «Михаил Кулибин» – 2, катера – 26 и моторные лодки 225 раз. На круизных теплоходах прибыли 1932 человек, на «Механике Кулибине» – 169, на «Метеоре» – 252, на «Ракете» – 27, на катерах – 244, на моторных лодках – 469 туристов. Т.к. 12 и 14 июля «Михаил Светлов» и «Демьян Бедный» отплыли на круиз в Тикси, основной туристский поток составили туристы на моторных лодках [19].

Большинство туристов предпочитают круизные теплоходы. Во-первых, теплоходы предоставляют туристам комфортный и полноценный отдых. А во-вторых, обычно путешествие на теплоходах длится два дня. На метеорах и на теплоходе «Меха-

ник Кулибин» обычно приезжают различные делегации. Например, была делегация преподавателей Северо-Восточного федерального университета, Министерства образования, делегация «Дети Азии» (Индонезия, Китай, Иран, Монголия, Казахстан и Урал), также были воспитанники Центра отдыха и оздоровления детей «Сосновый бор». Огромное количество посетителей приплывают на моторных лодках. Как правило, это однодневные туры. Обычно приезжают организованные и неорганизованные туристы.

В Природном парке во многом преобладает организованный туризм, т.к. большая часть туристов приплывают на теплоходах, соответственно, воспользовавшись услугами местных туроператоров. Кроме того, ежедневно приплывают организованные туристы на катерах и моторных лодках. В настоящее время в республике активно работают местные туроператоры «Байанай-Тур», «Визит Якутии», «Территория Север», «Саха-Сатал тур», «Норд Стрим» и «Одун». Данные туроператоры уже который год показывают отличную качественную работу, завоевали уважение клиентов, потому среди туристов пользуются большим успехом. Количество организованных туристов составило 991 человек, а неорганизованных – 154 человек. Неорганизованным туризмом в основном занимаются якутяне, местное население – туристы из поселков Хангаласского улуса, а также посетители базы отдыха «Еланка» и «Батамай».

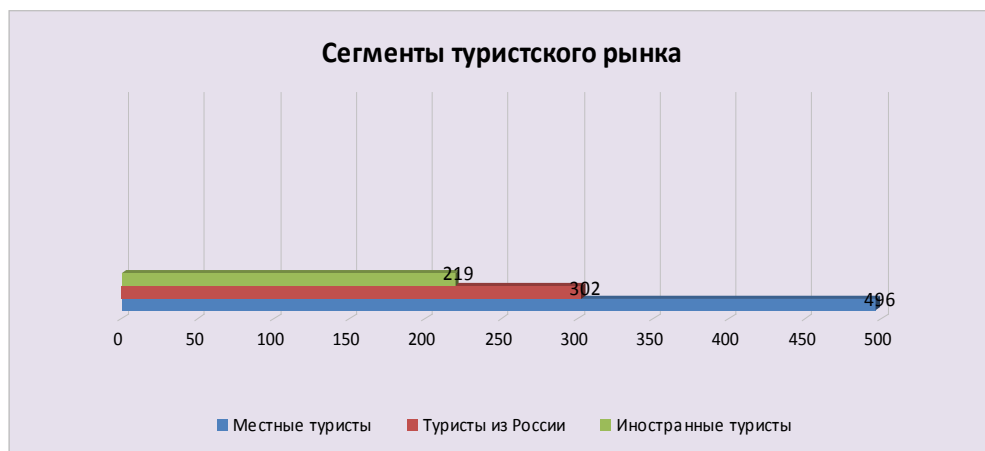


Рис. 2. Сегменты туристского рынка ПП Ленские Столбы

Ист.: составлено Слепцовой А.Л.

По данным рис. 2 количество посетителей, прибывших на катерах и моторных лодках, не включая туристов круизных теплоходов, составляют местные туристы (якутяне). Это можно объяснить тем, что ПП «Ленские Столбы» является популярным направлением развития туризма, транспортно доступным для отдыха на природе жителям города Якутска и ближайших районов. Однако, поток российских и иностранных туристов намного меньше местных туристов.

ПП преимущественно финансируется из республиканского бюджета. Кроме того, парк самостоятельно распоряжается средствами, полученными: от туристической деятельности; от научной, природоохранной, рекламно-издательской деятельности; в счет возмещения ущерба, причиненного юридическими и физическими лицами природным комплексам и объектам на территории заповедника; от реализации конфискованных в установленном порядке орудий охоты, рыболовства и продукции незаконного природопользования; из внебюджетных фондов; в порядке безвозмездной помощи и благотворительных взносов.

Нами проведена экспертная оценка выявления поступлений от туристских расходов в бюджет ПП «Ленские Столбы». Как известно, стоимость входа в парк для посетителей от 7 лет и выше составляет 350 руб. За исследуемый период количество туристов составило 3445 человек, что умножаем на 350 руб. Получается, за две недели, за счет расходов туристов бюджет ПП получил 1 205 750 руб., что указывает на стабильность развития туризма.

Таким образом, как выяснили, огромная часть туристов предпочитают комфортное путешествие на круизных теплоходах. Но в то же время достаточная доля по транспортировке туристов в ПП принадлежит местным владельцам моторных лодок. Именно данный вид водного транспорта является доступным для неорганизованных туристов и, можно сказать, играет большую роль в развитии туризма на территории ПП. Такой вид транспорта стоит намного дешевле и подходит для организации однодневных туров. Также большую часть туристского потока составляют жители Якутии, далее российские и иностранные туристы. Среди туроператоров лидирует «Байанай-Тур» специализирующийся по сплавым турам.

С целью выявления конкурентных преимуществ ПП был проведен SWOT-анализ, который помогает выявить ключевые факторы успеха там, где есть преимущества, наиболее способствующие туристической деятельности [11]. Итоги анализа природного парка «Ленские Столбы» можно завершить краткой сводкой основных конкурентных преимуществ и проблем развития туризма (табл. 2).

SWOT- анализ деятельности Природного парка «Ленские Столбы»

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • Включен в Список всемирного наследия в 2012 году; • Уникальные природные ресурсы; • Уникальные исторические и культурные объекты, не имеющие аналогов в мире; • Стабильная социальная ситуация в Хангаласском районе; • Благополучная экологическая обстановка; • Выгодное географическое положение, близкое расположение от города; • Рост численности туристов парка за последние три года; • Мировые тенденции к увеличению спроса на первозданные природные территории; • Растущая популярность экологического и этнографического туризма и путешествий; • Активизация деятельности региональной исполнительной власти в отношении туризма; • Наличие на территории улуса культурных памятников, способных вызвать интерес у туристов; • Наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала; • Археологическая ценность природного парка (останки множества разнообразных видов кембрийского периода); • Наличие на территории парка четырех ценных природных объектов: Ленские Столбы, Синские столбы, Буотамские столбы и тукуланы – Самыс-Кумага и Кысыл-Элэсин; • Значительная протяженность парка вдоль правого берега р. Лена на 220 км; • Долинный характер территории, центральными осями которого являются реки Лена, Буотама и Синяя; • Расположение парка на неосвоенных землях, исключенных из хозяйственной эксплуатации; • Наличие Амура-Якутской автомагистрали; • Доступность парка в любое время года – зимник и речной транспорт на р. Лене; • Совмещение на территории парка различных ландшафтных провинций, мозаичность физико-географических условий и природно-территориальных комплексов; • Наличие партнеров, таких как: ОАО НТК «Якутия», ООО «Норд Стрим», ООО «Саха Сатал», ТК «Байанай-тур». 	<ul style="list-style-type: none"> • Хрупкость и уязвимость природного баланса северных экосистем; • Отсутствие и неразвитость необходимой инфраструктуры, несоответствие стандартам; • Неразвитость гостиничного сектора и общий низкий уровень развития туристической инфраструктуры; • Узкий ассортимент туристических услуг. Низкий уровень культуры сервиса и услуг в сопутствующих отраслях; • Отсутствие квалифицированных туристических кадров в республике; • Недостаточная маркетинговая программа в продвижении имеющегося туристского ресурса; • Сложность регулирования посещений – доступность парка в любое время года – зимник и речной транспорт на р. Лене.

Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Занятие собственной оригинальной ниши в рынке туристических услуг и обеспечение надежной конкурентоспособности туристических продуктов; • Проводимые в Республике Саха (Якутия) мероприятия по разработке экономического и правового механизмов приоритетной поддержки въездного, внутреннего и социального туризма; • Увеличение спроса туристических маршрутов «Ленские столбы»; • Участие в проводимых республикой мероприятиях, способствующих продвижению туристского потенциала Хангаласского улуса на мировом и внутреннем туристских рынках; • Сотрудничество с различными представителями крупных туроператоров/ турагентств, объединение усилий в продвижении ПП «Ленские столбы» на мировой уровень. 	<ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие системы стратегических документов, предусматривающих пропорциональное комплексное развитие индустрии туризма и сопутствующей инфраструктуры, индустрии туризма и защиты окружающей среды; • Повышенная частота природных катастроф в республике, усиление техногенного воздействия на природные комплексы, ухудшающего качество лесных и водных ресурсов; • Угроза лесных пожаров на территории природного парка; • Неуправляемая динамика цен и тарифов на продукцию и услуги сопутствующих отраслей; • Некомплектность развития инфраструктуры; • Слабая подготовка кадров и обеспечение безопасности; • Неприятие потока туристов населением Хангаласского района из-за непонимания позитивов развития туризма.

Ист.: составлено Стрекаловской О.В.

Таким образом, главными сильными сторонами ПП «Ленские Столбы» являются уникальные географические ресурсы и наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала, а также богатая, обособленная культура. Включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО играет не маловажную роль для развития парка. Все это создает благоприятную почву для развития туризма. Слабые стороны развития ПП как отсутствие и неразвитость туристской инфраструктуры, узкого ассортимента туристских услуг, недостаток квалифицированных туристских кадров, недостаточность проведения маркетинговых исследований туристских ресурсов и рынка являются серьезным барьером для развития туризма. Наличие этих проблем не дает полностью раскрыться туристскому потенциалу.

Нами выделены следующие возможности для развития туризма в ПП «Ленские Столбы»: сотрудничество с крупными туроператорами/турагентствами и объединение усилий в продвижении на мировой уровень. В то же время угрозу для развития парка представляет повышенная частота природных катастроф в республике и на территории района, усиление техногенного воздействия на природные комплексы, ухудшающего качество лесных и водных ресурсов. А недостаточная профессиональная квалификация кадров ведет к ухудшению качества предоставляемых туристам услуг.

Результаты оценки показателей уровня развития туризма в ПП показали, что на сегодняшний день парк имеет огромный нереализованный потенциал для раз-

вития туризма. Организация туризма на территории ПП «Ленские Столбы» предполагает разработку и реализацию собственного турпродукта для обеспечения финансовой устойчивости, развития рекреационной инфраструктуры и систему регулирования потока посетителей для снижения негативного воздействия на природные и историко-культурные комплексы парка.

Туризм является важной составляющей хозяйственной деятельности в охраняемых территориях и осуществляется под контролем экологов. Организация туризма на территории Природного парка «Ленские Столбы» предполагает разработку и реализацию собственного турпродукта парка для обеспечения финансовой устойчивости, развития рекреационной инфраструктуры и систему регулирования потока посетителей для снижения негативного воздействия на природные и историко-культурные комплексы парка. То есть, развитие туризма в парке является источником и средством самофинансирования, а также инструментом охраны природы.

В связи с этим, нами предложены следующие рекомендации по развитию туризма ПП «Ленские Столбы»:

- повышение квалификации лиц, предоставляющих туристские услуги на территории Хангаласского района;
- участие частных инвесторов в строительстве коллективных средств размещения, мест общественного питания, оказания транспортных услуг, услуг сопровождения туров и т.д.;
- объединение усилий в продвижении туруслуг ПП совместно с представителями крупных туроператоров на мировой уровень;
- создание новых туристских маршрутов, способных удовлетворить все возрастные слои населения в течение года;
- проведение маркетинговых исследований туристского потенциала;
- для ликвидации лесных пожаров и их возгорания на территории природного парка ежегодно проводить авиапатрулирование сверхлегкими летательными аппаратами.

Таким образом, развитие туризма в Природном парке зависит от комплексного подхода к планированию и управлению его развитием. Каждая охраняемая территория должна иметь план развития туризма и сопряженных с ним видов деятельности. В плане должно быть отражено ожидаемое состояние ООПТ в будущем и наиболее эффективные и реальные способы его достижения. В определенном смысле план развития туризма ООПТ нужен для максимизации выгод при минимизации издержек.

Среди основных видов туристских услуг, предлагаемых Природным парком можно выделить: разработку новых туристских маршрутов; образовательные, консультационные, экскурсионные и другие услуги сотрудников ПП. Кроме того, ПП должен разработать гибкую систему тарифов и туристских сборов, которые можно применять в природоохранных мероприятиях парка.

Но, труднодоступность территории, слабо развитая дорожная инфраструктура и материально-техническая база парка, а также небольшой штат сотрудников, усложняет в настоящий момент наладить действенную охрану территории, проводить эколого-просветительские мероприятия, а также развивать эколого-познавательный туризм. Слаба техническая оснащенность по сезонам года службы инспекции и кордонов, отсутствует вездеходный транспорт в межсезонье, отсутствует пассажирский автотранспорт. В связи с этим, основной проблемой развития Природного парка является укрепление материально-технической базы, например, строительство и обновление кордонов, обновление автопарка и др.

Природный парк «Ленские Столбы» имеет возможность разработать экологические турпродукты и предлагать свои услуги. При этом туризм следует развивать таким образом, чтобы сохранять лучшее, что есть у местных жителей, и выявлять то, что требует улучшения. Например, государство и местные власти заинтересованы в социальном развитии, привлечения инвестиций в развитие туристской инфраструктуры, а парк в улучшении и обновлению качества услуг. Но, при этом должны учитывать, что массовый туризм без планирования может нести большой ущерб окружающей среде. То есть, на территории парка развитие туризма должно сопровождаться жестким контролем экологов с учетом пропускной способности территории. И, основными задачами развития парка являются:

- Реконструкция деятельности Природного парка, при котором основным источником поступления средств стали доходы от туризма;
- Обеспечение привлечения средств бюджетов и внебюджетных средств для дополнительного финансирования на основе заключения специальных соглашений;
- Разработка методических рекомендаций по организации конкурсов аренды земельных участков, организации регулируемого туризма;
- Обеспечение механизмов взимания платы за посещение Природного парка;
- Организация устойчивого развития малого бизнеса в сфере услуг, для создания альтернативных источников доходов для местного населения;
- Регистрация товарного знака Природного парка для продвижения местной продукции.

Литература

1. ФЗ от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 3 мая 2012 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» – <http://consultant.ru>.
2. ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «Об особо охраняемых природных территориях» // СПС «Консультант плюс» – <http://consultant.ru>.
3. Программа «Развитие туризма в Хангаласском улусе на 2012-2016 годы».
4. Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутия) на 2012-2016 годы» // ОИП Республика Саха (Якутия) – <http://sakha.gov.ru>.

5. План-управление (менеджмент-план) Природного парка «Ленские Столбы» на 2013-2017 гг. – Покровск, 2013.

6. Положение о Природном парке (АанАйылгы) «Ленские Столбы» Республики Саха (Якутия) // Официальный сайт Природного парка «Ленские Столбы» – <http://www.lenskiestolby.ru>

7. Драчева, Е.Л. Экономика и организация туризма: международный туризм. – Москва : Кронус, 2010. – 568 с.

8. Дроздов, А.В. Основы экологического туризма. – Москва : Гардарики, 2005. – 271 с.

9. Дурович, А.П. Маркетинг в туризме. – Москва : ИНФРА-М, 2012. – 316 с.

10. Здоров, А.Б. Экономика туризма. – Москва : Финансы и статистика, 2007. – 272 с.

11. Караванова, Б.П. Методы оценки экономической эффективности инвестиций в туристскую индустрию / Б.П. Караванова // Вестник НАТ. – 2010. – №4. – С. 21-23.

12. Караневский, П.И. Комплексная методика оценки потенциала культурных и природных объектов туризма / П.И. Караневский // Теоретические и методологические проблемы развития туризма. – 2009. – № 2. – С. 39-45.

13. Косолапов, А.Б. Теория и практика экологического туризма. – Москва : КНО-РУС, 2005. – 240 с.

14. Храбовченко, В.В. Экологический туризм: учебно-методическое пособие. – Москва : Финансы и статистика, 2010. – 176 с.

15. Портфель гида. – Министерство охраны природы Республики Саха (Якутия). Природный парк «Ленские Столбы». – Покровск, 2014.

16. Отчет о деятельности Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) за 2011, 2012, 2013, 2014 и 2015 г. // Официальный сайт Министерства охраны природы Республики Саха – URL: <http://www.minokhr.sakha.gov.ru>

17. Официальный сайт природного парка «Ленские столбы» // <http://www.lenskiestolby.ru>

18. Министерство по делам предпринимательства, развития туризма и занятости Республики Саха (Якутия): официальный сайт // <http://www.minpred.ru>

19. ООО Холдинговая компания «Якутский речной порт» // <http://rechport.ykt.ru>

20. Федеральная служба государственной статистики. // <http://www.gks.ru>

21. World Tourism Organization UNWTO: официальный сайт // <http://www.unwto.or>

References

1. Federal Law of the Russian Federation No. 132-FL of November 24, 1996 (edited on May 3, 2012) «On the basis of tourist activities in the Russian Federation» // RLS “Consultant Plus” – URL: <http://consultant.ru>

2. Federal Law No. 33-FL of March 14, 1995 (edited on December 31, 2014) «On Specially Protected Natural Territories» // RLS «Consultant Plus» – URL: <http://consultant.ru>

3. The program «Development of tourism in the Khangalassi ulus for 2012-2016».

4. The state program of the Republic of Sakha (Yakutia) «Development of domestic and incoming tourism on the territory of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2012-2016» // SEP Republic of Sakha (Yakutia) – URL: <http://sakha.gov.ru>

5. Management plan of the Natural Park "Lena Pillars" for 2013-2017. – Pokrovsk, 2013.
6. Regulations on the Natural Park (AanAyylyg) "Lena Pillars" of the Republic of Sakha (Yakutia) // Official site of the Natural Park "Lena Pillars" – URL: <http://www.lenskiestolby.ru>
7. Dracheva, E.L. Economics and organization of tourism. – Moscow: Cronus, 2010. – 568 p.
8. Drozdov, A.V. Fundamentals of ecological tourism. – Moscow: Gardariki, 2005. – 271 p.
9. Durovich, A.P. Marketing in tourism. – Moscow: INFRA-M, 2012. – 316 p.
10. Zdorov, A.B. Tourism Economics. – Moscow: Finance and Statistics, 2007. – 272 p.
11. Karavanova, B.P. Methods of assessing the economic efficiency of investment in the tourism industry / B.P. Karavanova // Herald of NAT. – 2010. – No 4. – P. 21-23.
12. Karanovsky, P.I. Comprehensive methodology of assessing the potential of cultural and natural objects of tourism / P.I. Karanovsky // Theoretical and methodological problems of tourism development. – 2009. – No. 2. – P. 39-45.
13. Kosolapov, A.B. Theory and practice of ecological tourism. – Moscow: Knorus, 2005. – 240 p.
14. Khrabovchenko, V.V. Ecological tourism: educational-methodical manual. – Moscow: Finance and Statistics, 2010. – 176 p.
15. The portfolio of the guide. – Ministry of Nature Protection of the Republic of Sakha (Yakutia). Natural park "Lena Pillars". – Pokrovsk, 2014.
16. Report on the activities of the Ministry of Nature Protection of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2011, 2012, 2013, 2014 and 2015 // Official website of the Ministry of Nature Protection of the Republic of Sakha – URL: <http://www.minokhr.sakha.gov.ru>
17. Official website of the natural park "Lena Pillars" // <http://www.lenskiestolby.ru>
18. Ministry of Entrepreneurship, Tourism Development and Employment of the Republic of Sakha (Yakutia): official website // <http://www.minpred.ru>
19. LLC Holding company "Yakutsk river port" // <http://rechport.ykt.ru>
20. Federal Service of State Statistics. // <http://www.gks.ru>
21. World Tourism Organization UNWTO: official website // <http://www.unwto.org>

БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИКЕ

УДК 911.9

В.Ю. Кузин¹

АРКТИКА – ВОЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ РЕГИОНА

ARCTIC – MILITARY GEOGRAPHY OF THE REGION

В настоящее время в связи с истощением ресурсов всё большее внимание уделяется Арктике. Она сосредотачивает значительные запасы ресурсов, включая и углеводородные. Кроме того, происходит глобальное потепление, значительно упрощающего условия для жизни и добычи ресурсов в Арктике. Не до конца урегулирован вопрос с разделом арктического шельфа. В совокупности это создаёт основу для конфликтов между странами. В этой связи важным становится расстановка сил в регионе. Эту проблему рассматривает военная география – одна из старейших отраслей географической науки. В статье анализируется расположение военных баз арктических государств, их функциональная роль и особенности. Отмечается важная роль войск ПВО СССР в освоении отдалённых арктических территорий. Делается вывод, что военно-политические тенденции в Арктике не только зависят от мировых, но и в XXI веке эти тенденции могут определить.

Ключевые слова: Арктика, глобальное потепление, военная география, ресурсы, конфликт, «холодная война», военная инфраструктура.

At present, due to the depletion of resources, more attention is paid to the Arctic. It concentrates considerable resources of resources, including hydrocarbons. In addition, there is a global warming, greatly simplifying the conditions for life and resource extraction in the Arctic. The issue of the division of the Arctic shelf has not been fully resolved. Together, this creates the basis for conflicts between countries. In this regard, the alignment of forces in the region becomes important. This problem is considered military geography – one of the oldest branches of geographical science. The article analyzes the location of the military bases of the Arctic states, their functional role

¹ Кузин Вадим Юрьевич – к.г.н., ответственный секретарь серии научных журналов «Арктика XXI век», Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: vadim-13.06@yandex.ru

Kuzin Vadim – Candidate of Geographical Sciences, executive secretary of a series of scientific journals "Arctic XXI century" M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

and features. The important role of Soviet air defense troops in the development of remote Arctic territories is noted. It is concluded that the military and political trends in the Arctic not only depend on the world, but in the 21st century these trends can also be determined.

Keywords: *Arctic, global warming, military geography, resources, conflict, "cold war", military infrastructure.*

Освоение Арктики в течение всей своей истории определялось наличием значительных ресурсов. Ресурсоориентированный подход к циркумполярному региону во второй половине XX в. был дополнен геостратегическим фактором – относительной близостью территорий главных антагонистов «холодной войны» – СССР и США.

В настоящее время интерес к Арктике продиктован ещё и происходящими климатическими изменениями. Как известно, глобальное потепление в данном районе проявляет себя едва ли наиболее выражено во всём глобальном масштабе. Средние темпы роста температуры воздуха в 2,5 раза превышают среднемировые +0,6° С. Результатом этого стало отступление морского льда в Арктике, происходящее уже три последних десятилетия. При этом, температура поверхностного слоя морских вод наиболее высокая за последние примерно 1450 лет. Средние за каждое десятилетие площади и объемы льда сейчас становятся все меньше и меньше. При реализации наиболее негативного сценария до середины века вероятно почти полное отсутствие льда в Северном Ледовитом океане в сентябре. По другим сценариям в XXI в. в сентябре в Арктике льды будут сохраняться, хоть и на значительно меньшей площади. Можно отметить, что сокращение льдов очень сильное, и оно продолжится [9]. Таким образом, потенциал Северного Ледовитого океана как мирового транспортного пути может возрасти – Северный морской путь на 5 тыс. км. короче маршрута через Суэцкий канал, а Северо-западный проход на 9 тыс. км. короче маршрута через Панамский (при этом соответственно Россия и Канада рассматривают данные маршруты как свои внутренние, а США – считают международными [15]). Другим важным моментом является общее снижение степени экстремальности климата, позволяющее вести хозяйственную деятельность с меньшими затратами, а также разрабатывать ресурсы в менее суровых условиях.

Ресурсы Арктики, между тем, значительны, что позволяет называть регион «последней кладовой Земли». По имеющимся оценкам ООН, разведанные запасы нефти составляют 100 млрд. тонн, газа – 50 трлн. м³. Геологическая служба США оценивает арктические ресурсы в 13% не открытых мировых запасов нефти и 30% газа [24] (также приводятся такие оценки запасов – 90 млрд. баррелей нефти; 47,3 трлн. м³ газа; 44 млрд. баррелей газового конденсата [10]). Велики запасы и других минеральных ресурсов, включая золото, серебро, никель, уран, молибден, алмазы и т.д. Не потеряли своё значение и биологические ресурсы региона.

Концентрация такого числа ресурсов на всё более «прогреваемой» территории в условиях постепенного истощения ресурсных баз староосвоенных регионов ставит

логичный вопрос – о контроле и конкуренции за эти ресурсы. И, хотя и ушла в прошлое «холодная война» с перспективой быстрого скатывания к глобальному конфликту, однако в существующих условиях большую роль приобретает военная сила и её территориальное размещение.

Данным вопросом занимается одна из старейших отраслей географической науки – военная география. Можно отметить целый ряд крупных учёных, занимавшихся данной проблематикой: среди зарубежных специалистов – Г. Беникена, А. фон Рудторфера, Т.-С. Лавалле, Г. Ллойда [2], А. Мэхэна и др.; среди отечественных – Д.А. Милютина, А.Е. Снесарева [2, 3], М.П. Вронченко и др. Фактически, это одна из первых задач географических исследований – практически всегда крупные экспедиции преследовали географические исследования как второстепенную задачу, первостепенная же – исследования в интересах армии/разведки. Военная география исследует расстановку политических сил, экономические и военные возможности страны либо военных союзов государств, их природные условия по отдельным регионам и территориям, а также возможным театрам военных действий, с точки зрения их влияния на ведение военных действий. Основной задачей военной географии является исследование театров военных действий разного территориального масштаба, притом потенциальных или реальных [12].

С учётом взаимоналожения двух тенденций – открытия крупных запасов ресурсов (углеводородных, в первую очередь) наряду с имеющимися крупными месторождениями и усилившегося потепления климата – таким потенциальным, если и не театром военных действий, то точно – конфронтационной ареной, становится Арктика. Осложняется этот процесс ещё и юридической неопределённостью обширных территорий за пределами зоны в 200 морских миль – океанских и континентального шельфа. В результате арктические государства выдвигают свои претензии не только на «ничейные» территории, но и на одни и те же участки (рис. 1).

Россия, в свою очередь, первой подала заявку в Комиссию ООН по континентальному шельфу на расширение своего шельфа на 1,2 млн. км² ещё в 2001 г., однако она была возвращена на доработку в следующем году. В 2006 г. заявку на 0,25 млн. км² подала Норвегия, и в 2009 г. она была утверждена, но несколько в уменьшенном варианте – на 0,235 млн. км² [5]. Повторно Россия подала заявку (с учётом дополнительного научного материала) в 2016 г. на те же 1,2 млн. км², но с несколько иной конфигурацией границ [22]. На территорию аналогичной площади – 1,2 млн. км² – в 2013 г. подала Канада, притом уведомив о последующем расширении своей заявки на морское дно вне 200-мильной зоны, включая и Северный полюс. Дания и её автономная территория Гренландия в 2014 г. подали заявку на территорию в 900 тыс. км² (опять же включая и Северный полюс) [1].

ПРИТЯЗАНИЯ СТРАН НА АРКТИЧЕСКИЙ ШЕЛЬФ

Источник: Российский совет по международным делам

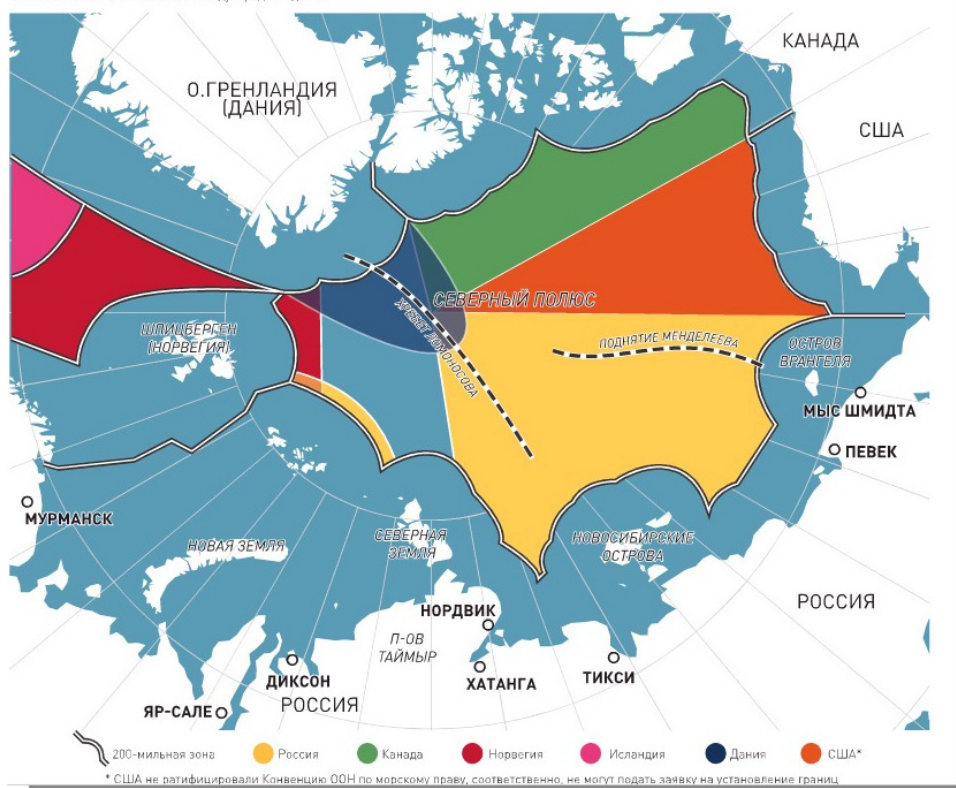


Рис. 1. Притязания стран на арктические территории [21]

Как уже было сказано: Арктика – «последняя кладовая Земли». И в условиях открытия и обоснованных предположений запасов значительного объёма ресурсов (углеводородных, в первую очередь) приобретает большое значение возможность приарктических государств «проецировать» свою военную силу на данный регион. Для этого целесообразно рассмотреть географию военных баз и опорных пунктов вооружённых сил стран в Арктике.

Не затрагивая сложный вопрос определения границ этого региона (например, см.[4, 6-8, 14]), в данной статье за границу Арктики условно принят Северный полярный круг с включением в рассматриваемую зону близко расположенных территорий, а также более удалённых территорий, если в их пределах расположены крупные военные объекты, которые могут при необходимости оказывать влияние на ситуацию во всём регионе. Данные по расположению объектов и их функциональной роли собраны на основании открытых источников по последним имеющимся сведениям.

Современная военная география Арктики отображена на рис. 2.



Рис. 2. Современная военная география Арктики (по данным [16, 19, 20, 23, 24])

Как видно из рисунка, военные объекты в Арктике крайне неравномерны расположены. Наибольшая плотность сил характерна для севера Норвегии и Кольского полуострова России. Такая ситуация сложилась в годы «холодной войны», и, несмотря на последующее снижение остроты конфликтности, продолжает – да и будет продолжать таковой оставаться – и в настоящее время. Крупные силы концентрируются на Аляске, хотя там и нет такой высокой плотности объектов. Арктически острова же характеризуются единичными объектами, выступающими форпостами присутствия своих стран. В тоже время, в случае необходимости, данные пункты могут стать передовыми центрами развёртывания. К примеру, РЛС и авиабаза Туле сейчас обслуживаются персоналом в 800 человек, в то время как полная вместимость базы – до 10 тыс. человек [26].

Для военных объектов арктической зоны характерна полифункциональность, когда в пределах одного пункта базируется несколько типов сил (ВМФ и ВВС, ВВС и РЛС и т.д.). Относительно немного баз сухопутных сил. На Аляске располагается единственная ракетная база в регионе. Всё это объясняется арктической специфи-

кой – в условиях крайне-сурового климата в сочетании с продолжительным ледовым периодом снабжение всем необходимым военных объектов затруднительно, а создавать густую сеть военно-морских баз технически невозможно. И эти особенности однотипны для всех вооружённых сил арктических государств, несмотря на свою национальную специфику.

При этом в последние годы, несмотря на нарастание противоречий, как между отдельными странами региона, так и между блоком НАТО и Россией, новых военных объектов не создаётся. Изменяется контингент и техническая оснащённость действующих баз, выдвигаются проекты строительства новых – однако возможные расходы в совокупности с отсутствием срочности таких решений тормозят возможный рост милитаризованности Арктики. Единственный открытый в последние годы объект – база Темп на о.Котельный – это не создание нового, а восстановление старого.

В этой связи необходимо отметить, что нынешняя разряжённая сеть военных объектов в российской зоне Арктики – следствие деградации советской военной инфраструктуры, располагавшейся на северном побережье и арктических островах. Особенно широкую географию и количественный состав имели силы ПВО СССР, в состав которых входили радио-технические войска, истребительная авиация, зенитно-ракетные войска. География войск ПВО СССР в Арктике отображена на рис. 3.

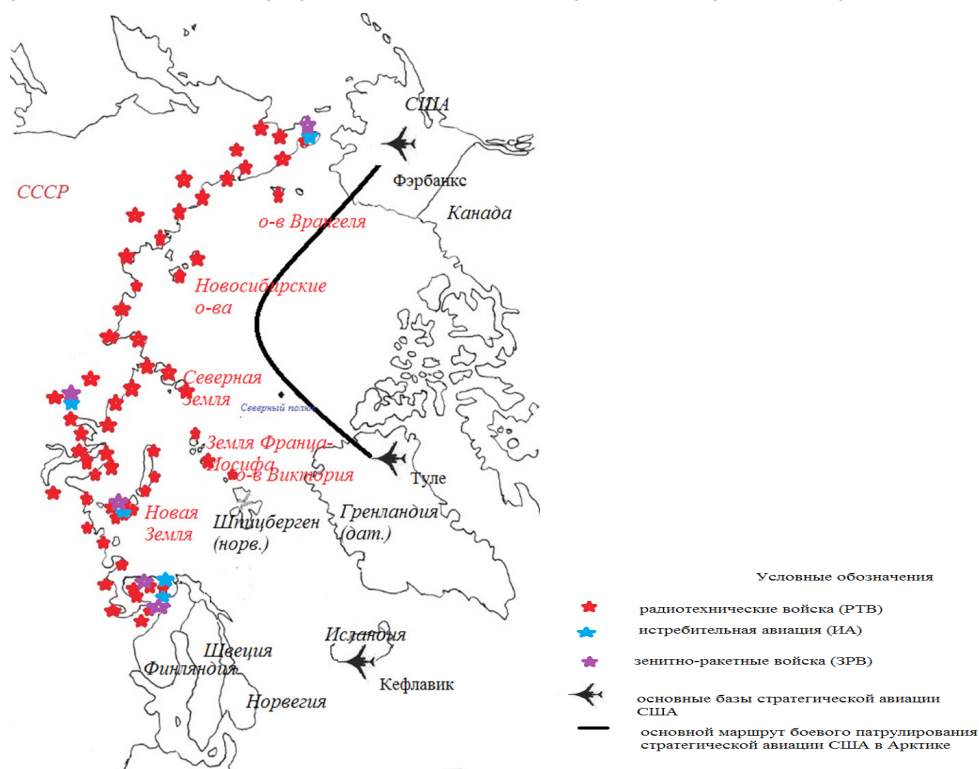


Рис. 3. Войска ПВО СССР в Арктике [13]

Необходимо отметить, что многие заброшенные объекты остались лишь на карте и для военного применения непригодны. С окончанием «холодной войны» развёрнутая военная инфраструктура в российской Арктике оказалась крайне-избыточна и непомерна дорога, потому в короткое время военное освоение повторило тренд гражданского арктического освоения – резкое пространственное сжатие. В то же время, арктические объекты, создававшиеся в крайне-тяжёлых условиях, были форпостами освоения и вообще присутствия в данном регионе. Если бы не военная необходимость, вполне вероятно, что люди появлялись бы в таких «медвежьих углах» не ранее середины XXI века – и то, при сохранении либо ускорении нынешних темпов глобального потепления. При этом был наработан опыт военного освоения арктической территории, тот опыт и те ошибки, которые необходимо учитывать и в дальнейшем [13].

Открытым в настоящее время остаётся вопрос о будущем Арктике. Какие тенденции: соперничество или сотрудничество? – станут доминирующей реальностью? Однозначного ответа у специалистов на этот счёт нет (см. [10, 11, 17, 18]). Однако, нужно понимать, что военно-политические тенденции в Арктике не только зависят от мировых, но и в XXI веке эти тенденции могут задать.

Литература

1. Артамонов, В.С. Геополитики Арктики: система управления рисками безопасности жизнедеятельности / В.С. Артамонов, Т.В. Мусиенко // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – № 2 (4). – С. 72-78.
2. Белов, К.В. Д.А. Милютин о зарубежной теории военной географии / К.В. Белов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2015. – том 15, №2. – С. 33-35.
3. Белозёров, В.К. Военная география и судьбы мира / В.К. Белозёров // Военный академический журнал. – 2015. – № 4 (8). – С. 174-176.
4. Брызгин, Н.Н., Швер, Ц.А. Метеорологические индексы как количественные показатели границы Арктики. – В кн.: Факторы и принципы физико-географического районирования полярных областей Земли. – Ленинград : Изд. ГО СССР, 1974. – С. 102-107.
5. Голдин, В.И. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: вехи истории и современность / В.И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 22-34.
6. Городецкий, А.Е. Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России / А.Е. Городецкий, В.В. Иванов, Б.Н. Филин // Арктика: экология и экономика. – 2014. – № 4 (16). – С. 4-13.
7. Грамберг, И.С., Додин Д.А. The Arctic on the threshold of the third millennium. – Москва : Наука, 2000. – 247 с.

8. Данилов, Ю.Г. Физико-географический подход к выделению Арктической зоны в Якутии / Ю.Г. Данилов // Арктика XXI век. Естественные науки. – 2016. – № 1 (4). – С. 4-9.

9. Кокорин, О.А. Изменение климата: обзор Пятого оценочного доклада МГЭИК. – Москва : Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2014. – 80 с.

10. Конышев, В.Н., Сергунин, А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / под ред. И.В. Прокофьева. – Москва : РИСИ, 2011. – 194 с.

11. Лукин, Ю.Ф. Великий передел Арктики. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 400 с.

12. Мартынов, В.Л. Военная география мира в начала XXI века / В.Л. Мартынов // География. – 2008. – № 9. – С. 5-9.

13. Мартынов, В.Л. «Холодная война» в Северном Ледовитом океане: войска ПВО страны в Арктике (50-е – 90-е годы XX века) / В.Л. Мартынов // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (4). – С. 75-85.

14. Петров, Л.С. Граница Арктики и принципы её определения / Л.С. Петров // Труды Арктического и Антарктического НИИ. – 1971. – т. 304. Проблемы физико-географического районирования полярных стран. – С. 18-34.

15. Свиных, Е. Перспективы присоединения США к конвенции ООН по морскому праву / Е. Свиных // Зарубежное военное обозрение. – 2011. – № 1. – С. 68-78.

16. Храмчихин, А.А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов / А.А. Храмчихин // Арктика и Север. – 2011. – № 2. – С. 1-15.

17. Emerging from the Frost. Security in the 21st century Arctic / ed. K. Skogrand. – Oslo Files on defence and security. – 2008. – № 2. – 101 p.

18. Geopolitics and Security in the Arctic. Regional Dynamics in a Global World / ed. by R.Tamnes, K.Offerdal. – London, N.Y., 2014. – 184 p.

19. Армия США в районе Тихого океана // <http://warfor.me/armiya-ssha-v-zone-tihogo-okeana> (дата обращения: 26.03.2017).

20. Вооружённые силы Норвегии // <http://www.zvo.su/voennye-problemy/vooruzhennyye-sily-norvegii.html> (дата обращения: 26.03.2017).

21. Притязания стран на арктический шельф // <http://arctic-centre.com/ru/meropriyatija/item/130-prityazaniya-stran-na-arkticheskij-shelf> (дата обращения: 14.03.2017).

22. Россия представила в ООН обновленную заявку на расширение арктического шельфа: Центр новостей ООН // <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25397> (дата обращения: 16.03.2017).

23. Северный флот // <http://flot.com/nowadays/structure/north/> (дата обращения: 26.03.2017).

24. Состояние и перспективы развития вооружённых сил Норвегии // http://factmil.com/publ/strana/norvegija/sostojanie_i_perspektivy_razvitija_voenno_vozdushnykh_sil_norvegii_2016/30-1-0-1045 (дата обращения: 26.03.2017).

25. Gautier D.L. Oil and gas resource potential north of the Arctic Circle [Electronic resources] / D.L. Gautier // Arctic Petroleum Geology. – March 2011. – URL: <http://>

ioscproceedings.org/doi/pdf/10.7901/2169-3358-2011-1-203 (дата обращения: 16.03.2017).

26. The Ultimate Guide to Thule Air Base // <http://www.thuleab.dk/index.php/thule-air-base> (дата обращения: 27.03.2017).

References

1. Artamonov, V.S. Geopolitics of the Arctic: a system for managing risks to life safety / V.S. Artamonov, T.V. Mussienko // National Security and Strategic Planning. – 2016. – No 2 (4). – P. 72-78.

2. Belov, K.V. D.A. Milyutin on the foreign theory of military geography / K.V. Belov // Proceedings of the Saratov University. New Series. Series History. International relationships. – 2015. – vol. 15, No 2. – P. 33-35.

3. Belozеров, V.K. Military geography and the fate of the world / V.K. Belozеров // Military Academic Journal. – 2015. – No 4 (8). – P. 174-176.

4. Bryazgin, N.N., Shver, Ts.A. Meteorological indices as quantitative indicators of the Arctic boundary. – In: Factors and principles of physiographic division of the polar regions of the Earth. – L.: Izd. GS USSR, 1974. – P. 102-107.

5. Goldin, V.I. The Arctic in International Relations and Geopolitics in the Twentieth and Beginning of the 21st Century: Milestones of History and Modernity / V.I. Goldin // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2011. – No 2. – P. 22-34.

6. Gorodetskiy, A.E. Legal and methodical problems of strategic planning for the development of Arctic regions of Russia / A.E. Gorodetskiy, V.V. Ivanov, B.N. Filin // Arctic: ecology and economics. – 2014. – No 4 (16). – P. 4-13.

7. Gramberg, I.S., Dodin, D.A. The Arctic on the threshold of the third millennium. – Moscow: Nauka, 2000. – 247 p.

8. Danilov, Yu.G. Physico-geographical approach to the allocation of the Arctic zone in Yakutia / Yu.G. Danilov // The Arctic XXI century. Natural Sciences. – 2016. – No 1 (4). – P. 4-9.

9. Kokorin, O.A. Climate change: review of the IPCC Fifth Assessment Report. – Moscow: World Wildlife Fund (WWF), 2014. – 80 p.

10. Konyshov, V.N., Sergunin, A.A. Arctic in international politics: cooperation or rivalry? / Ed. I.V. Prokofiev. – Moscow: RISI, 2011. – 194 p.

11. Lukin, Yu.F. Great redistribution of the Arctic. – Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University, 2010. – 400 p.

12. Martynov, V.L. Military geography of the world in the beginning of the XXI century / V.L. Martynov // Geography. – 2008. – No 9. – P. 5-9.

13. Martynov, V.L. "Cold War" in Arctic Ocean: the troops of air defense in Arctic region (50's – 90's) / V.L. Martynov // The Arctic XXI century. Humanitarian sciences. – 2015. – No 1 (4). – P. 75-85.

14. Petrov, L.S. Boundary of the Arctic and the principles of its definition / L.S. Petrov // Proceedings of the Arctic and Antarctic Research Institutes. – 1971. – vol. 304. Problems of physico-geographical zoning of the polar countries. – P. 18-34.
15. Svininov, E. Prospects of US accession to the UN Convention on the Law of the Sea / E. Svininykh // Foreign Military Review. – 2011. – No 1. – P. 68-78.
16. Khramchikhin, A.A. Military-political situation in the Arctic and scenarios of possible conflicts / A.A. Khramchikhin // Arctic and North. – 2011. – No 2. – P. 1-15.
17. Emerging from the Frost. Security in the 21st century Arctic / ed. K. Skogrand. – Oslo Files on defense and security. – 2008. – No 2. – 101 p.
18. Geopolitics and Security in the Arctic. Regional Dynamics in a Global World / ed. by R.Tamnes, K.Offerdal. – London, N.Y., 2014. – 184 p.
19. US Army in the Pacific region // <http://warfor.me/armiya-ssha-v-zone-tihogo-okeana> (reference date: 26.03.2017)
20. The Armed Forces of Norway // <http://www.zvo.su/voennye-problemy/vooruzhennyye-sily-norvegii.html> (reference date: 26.03.2017)
21. Claims of countries on the Arctic shelf // <http://arctic-centre.com/ru/meropriyatiya/item/130-prityazaniya-stran-na-arkticheskij-shelf> (reference date: 14.03.2017)
22. Russia submitted an updated application to the UN for the expansion of the Arctic shelf: UN News Center // <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25397> (reference date: 16.03.2017)
23. Northern Fleet // <http://flot.com/nownews/structure/north/> (reference date: 26.03.2017)
24. The state and prospects of the development of the Armed Forces of Norway // http://factmil.com/publ/strana/norvegija/sostojanie_i_perspektivy_razvitija_voenno_vozdushnykh_sil_norvegii_2016/30-1-0-1045 (reference date: 26.03.2017)
25. Gautier D.L. Oil and gas resource potential north of the Arctic Circle [Electronic resources] / D.L. Gautier // Arctic Petroleum Geology. – March 2011. – URL: <http://ioscproceedings.org/doi/pdf/10.7901/2169-3358-2011-1-203> (reference date: 16/03/2017)
26. The Ultimate Guide to Thule Air Base // <http://www.thuleab.dk/index.php/thule-air-base> (reference date: 27.03.2017)

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

УДК 379.85

Л.Н. Попова¹

АНАЛИЗ ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) НА ПРИМЕРЕ МОМСКОГО РАЙОНА

ANALYSIS OF THE TOURIST POTENTIAL OF THE ARCTIC ZONE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN THE MOMSKIY DISTRICT EXAMPLE

В связи с ростом интереса к Арктике возрастает роль арктического туризма. В данной статье проводится анализ туристского потенциала Момского района для развития туризма. В этом районе сохранилась красивейшая первозданная природа, которая является неоспоримым преимуществом для развития различных видов туризма в этом районе.

Ключевые слова: туризм, туристский потенциал, Арктика, Республика Саха (Якутия), Момский район, развитие туризма.

The role of arctic tourism increases with the increasing of interest in the Arctic. The analysis of Momskiy district tourist potential was carried out in this article. The area remained a beautiful virgin nature and all this is a huge advantage for the development of different types of tourism in this area.

Keywords: tourism, tourist potential, Arctic, Republic of Sakha (Yakutia), Momskiy district, tourism development.

Сегодня Арктика для России – территория особого типа освоения, которая играет стратегическую роль с точки зрения не только национальной безопасности, но и экономики. Принятие программных документов в отношении Арктики, таких как «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации» и «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года» – декларируют «особость» Арктики, национальные интересы России, а также стратегические приоритеты развития региона [10]. Так, в документе «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопас-

¹ Попова Лена Н. – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: popova_lenna@mail.ru

Popova Lena – master's student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ности на период до 2020 года» выделено, что в целях совершенствования системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации предусматривается развитие арктического туризма и расширение экологически безопасных видов туристской деятельности в Арктике; совершенствование нормативно-правового обеспечения в сфере туризма, создание системы его финансовой поддержки на принципах государственно-частного партнерства, содействие формированию региональных туристических кластеров, продвижение арктического туризма на национальном и международном рынках [3].

По данным Всемирной туристской организации, туризм способствует развитию 53 отраслей экономики, и, в силу подобного кумулятивного эффекта, инвестирование в туристскую отрасль весьма эффективно [7]. Также, согласно Федеральному закону от 24 ноября 1996 г. №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», государство признает туристскую деятельность как одну из главных приоритетных отраслей экономики Российской Федерации [2]. Если рассматривать туризм в нашей стране в целом, то в настоящее время ее доля в ВВП России составляет 1,5%, в то время как среднемировое значение составляет 10%. На фоне колебания мировых цен на сырьевые ресурсы, его развитие приобретает большое значение для России [7].

Уровень развития туристической индустрии РС (Я), состояние различных отраслей инфраструктуры, сферы услуг, которые должны обеспечивать развитие туристской деятельности, не соответствуют требованиям современного туристического стандарта. Так, почти во всей арктической части республики туристическая отрасль находится на начальной стадии развития. Не является исключением и Момский район. Но, как отмечают Е.Е. Тотонова и С.С. Слепцов, в последнее время увеличивается количество туристов, желающих посетить Арктику, и популярность отдыха на экологически чистой природе приводит не только к появлению новых видов северного туризма, но и увеличению предложения. Для арктических районов актуальным является развитие экологического, культурного, научного, экстремального туризма, спортивной охоты, рыбалки и круизов [11].

Рассмотрим принадлежность Момского района к Арктической зоне. В РС (Я) к ней относится значительная часть республики. При этом на федеральном уровне в Арктическую зону Российской Федерации включены пять районов Республики Саха (Якутия), выходящих к Северному Ледовитому океану [4], а на уровне субъекта в состав арктических и северных районов включены 13 муниципальных образований [6]. Это территории Абыйского, Аллаиховского, Анабарского, Булунского, Верхнеколымского, Верхоянского, Жиганского, Момского, Нижнеколымского, Оленекского, Среднеколымского, Усть-Янского, Эвено-Бытантайского районов.

На рисунке 1 представлена карта республики с обозначенными арктическими и северными территориями, также рассматриваемый Момский район с административным центром Хонуу.

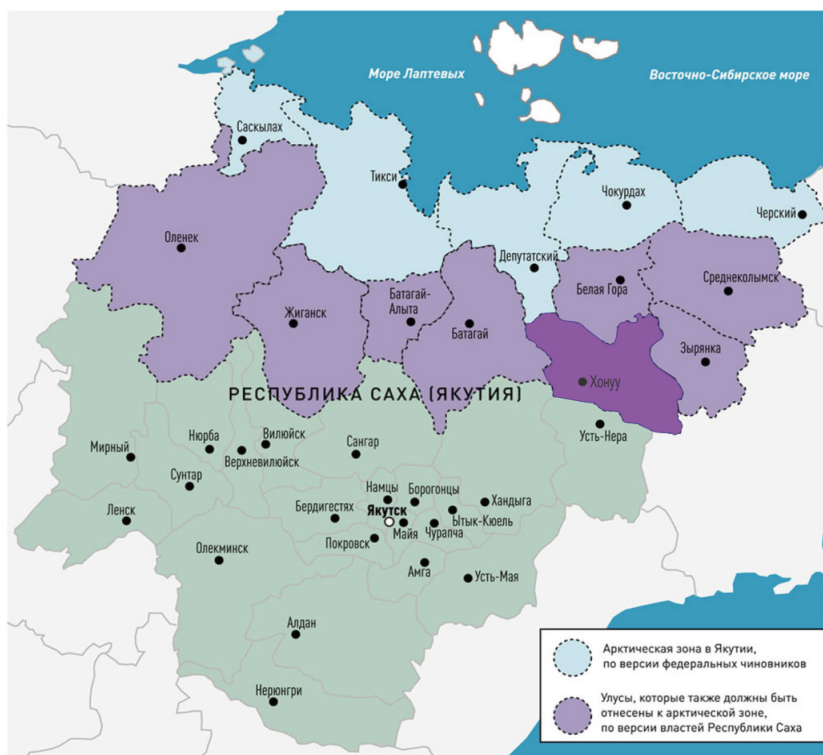


Рис. 1. Арктические и северные территории Республики Саха (Якутия)

На территории арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) площадью 1 608,8 тыс. км² (52,2% территории республики) численность постоянного населения на 1 января 2016 года составила 68 557 человек (7,1% населения республики). Плотность населения здесь крайне мала и составляет 4 чел / на 100 км² [6]. Таблица 1 показывает численность и площадь этих районов.

Таблица 1

Состав арктических и северных районов Республики Саха (Якутия)

Муниципальные образования	Административный центр	Численность населения, чел. (2016 г.)	Площадь территории	
			в тыс. км ²	в % от площади РС (Я)
Республика Саха (Якутия)	Якутск	959 689	3 083,5	100
Арктическая зона РС (Я):		68 557	1 608,8	52,2
Абыйский	Белая гора	4 095	69,4	2,3
Аллаиховский	Чокурдах	2 682	107,3	3,5
Анабарский	Саскылах	3 431	55,6	1,8

Булунский	Тикси	8 366	223,6	7,3
Верхнеколымский	Зырянка	4 288	67,8	2,2
Верхоянский	Батагай	11 371	137,4	4,5
Жиганский	Жиганск	4 258	140,2	4,5
Момский	Хонуу	4 139	104,6	3,4
Нижнеколымский	Черский	4 386	87,1	2,8
Оленекский	Оленек	3 983	318,0	10,3
Среднеколымский	Среднеколымск	7 538	125,2	4,1
Усть-Янский	Депутатский	7 242	120,3	3,9
Эвено-Бытантайский	Батагай-Альта	2 778	52,3	1,7

Экстремальные природно-климатические условия, низкая плотность населения, высокая ресурсоемкость, очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения и критическая зависимость жизнедеятельности от северного завоза, а также низкая устойчивость экологических систем обуславливают необходимость постоянного присутствия и внимания со стороны государства. Показатели социально-экономического развития арктических и северных районов значительно отстают от общереспубликанских средних показателей. Наблюдается значительный разрыв между арктическими районами и остальными районами республики по уровню социально-экономического развития [6].

Самой главной проблемой, в свою очередь, является изолированность территории в сочетании со слабым развитием транспортной инфраструктуры – отсутствие автодорог с твердым покрытием, и, следствием этого – чрезмерной дороговизной авиабилетов. Все это делает весь Арктический сектор труднодоступным для массового туриста. Это и есть самый главный барьерный фактор развития туризма на этой территории. Развитие транспортной инфраструктуры могло бы впоследствии напрямую повлиять на развитие и самой туристской инфраструктуры. В силу этого фактора, на наш взгляд, в арктических районах республики следует развивать экстремальный туризм, в котором степень задействования туристской инфраструктуры не так высока. Также немаловажно и то, что этот вид туризма начал развиваться быстрыми темпами и приобретает все более массовый характер.

Момский район расположен на северо-востоке республики, занимает площадь 104 626,74 км² [14], что составляет 3,3% площади РС (Я). Территория района располагается в зоне лесотундры, богатой растительностью, деревьями и кустарниками. Климат района резко континентальный. Эта климатическая область, соседствующая с полюсом холода Северного полушария Земли, характеризуется резкими колебаниями температуры. Зимой в межгорных понижениях и речных долинах средняя температура января опускается до отметок -40 – -45°С, иногда морозы могут достигать -65°С. Летом в понижениях средняя июльская температура составляет +14 – +15°С. Безморозный период очень короткий – 40-90 дней. Высота снежного покрова в понижениях составляет 40-50 см, в горах – 60-80 см. [12].

Прежде чем проанализировать туристский потенциал района, рассмотрим само понятие. Так, по мнению, Т.В. Николаенко, под туристским потенциалом территории следует понимать совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации туристской деятельности на данной территории [9]. Т.В. Брусокене утверждает, что туристский потенциал региона – это все скрытые, нереализованные возможности (ресурсы), которые имеются у региона и которые могут быть реализованы для решения задач туристской деятельности [8].

На рис. 2 обозначены туристские объекты, анализируемые в данной работе. Основа цифровой карты была разработана в среде ГИС с использованием ArcGIS 10. Космический снимок, загруженный из навигационной программы SAS.Планета, был привязан к системе координат WGS84.



Рис. 2. Природный туристский потенциал Момского района

Туристский потенциал Момского района может быть представлен следующими природными и культурно-историческими объектами:

Город Зашиверск (пункт 1 на рис. 2)

На реке Индигирке находился легендарный город Зашиверск, переживший свои необычайные взлет и падение, единственный вымерший город в Восточной Сибири. Зашиверск остается одним из самых знаменитых городов своего времени, о былом великолепии которого свидетельствует удивительная по красоте Спасская церковь, построенная в 1700 г. и сохранившаяся до наших дней. Зашиверск, как и Якутск, из-за своего выгодного месторасположения был «форпостом для дальнейшего приведения под государеву руку» все новых и новых народов и земель северо-востока Азии. Деревянный острог, возникший на перекрестке жизненно важных путей сообщения, был центром торговых ярмарок, местом сбора купцов, путешественников и земле-

проходцев. В нем бывали знаменитые С. Дежнев, М. Стадухин, И. Ребров, Ф. Врангель, Г. Сарычев, Ф. Матюшкин, исследователь К. Берке и другие [1].

Улахан-Тарын (пункт 2 на рис. 2)

Это самая крупная наледь в России, вторая по величине в мире. Площадь ее составляет 112 км², средняя мощность около 2 м, а максимальная мощность достигает 5-6 м. По площади его ледяное поле равно самому обширному леднику Альпийских гор – Алечскому и лишь уступает самому длинному леднику Азии – Федченко (на Памире). Она протянулась вдоль русла Момы на 26 км. К концу зимы площадь льда достигает 90 км при максимальной толщине 5-6 м [12].

В летнее время на фоне зеленой окружающей растительности наличие огромного ледяного поля представляет изумительный по красоте пейзаж, яркий своей контрастностью и удивительный по природе возникновения (рис.3). Высокие «ледяные щеки» сковывают русло реки, поэтому исключительное впечатление оставляет проход данного участка при спуске на лодках. Все это вместе взятое является причиной того, что Момская наледь служит прекрасным и интересным объектом спортсменов-туристов не только России, но и других стран [12].



Рисунок. 3. Наледь Улахан-Тарын

Балаган-Таас (пункт 3 на рис. 2)

На правом берегу реки Момы, в 10 км от реки близ Полярного круга находится вулкан Балаган-Тас (992 м) (рис.4). Над прилегающей местностью он возвышается на 300 м. Кратер имеет чашевидную форму диаметром 150 м. Склоны состоят из базальтовой лавы и пемзы, заросли кедровым стлаником [12]. Извержение вулкана произошло 300 лет назад. Якуты и эвены называли эту гору «Огнедышащая гора», впоследствии – «Балаган Таас» (каменная юрта) [13].



Рис. 4. Потухший вулкан Балаган-Таас

Горная система Черского

Подразделяется на высокогорные цепи Обручева и Билибина. Цепь Обручева состоит из Улахан-Чистайского, Догдо-Чималгинского, Чибагалахского, Тас-Хаяхтахского, Хаяргастахского хребтов. Цепь Билибина включает хребты Илин-Тас (Момский), Гармычан, Арга-Тас и Омилевские горы. Хребет Улахан-Чистай протягивается от реки Эрикит до южных границ республики более чем на 260 км. Буордахский массив этого хребта представляет собой наиболее высокогорную часть не только в системе, но и на всем Северо-Востоке Азии. Самой высокой точкой массива является гора Победа, абсолютная отметка которой равна 3003 м. Буордахский массив необычайно рельефно выделяется на местности из-за окружения широкими впадинами (рис. 5) [12].



Рис. 5. Буордахский горный массив

Мраморная гора (пункт 4 на рис. 2)

Юрюнг Таастах Хайа (якут. «гора из белых камней») более известен как Мраморная гора, в геологии как месторождение «Солнечный», находится в хребте Черского на берегу реки Тиректях. Нижняя часть горы сложена массивным пластом белого мрамора, верхняя чередуется с пластами темно-серых глинистых мраморированных известняков. Выходы пород имеют красивую ослепительно белую и бледно-розовую окраску, часто с теплым бежевым оттенком (рис.6). Необходимо уточнить, что Мраморная гора – это массив многих гор, состоящих из мраморной породы. Длина горы 500 км, ширина – 10 км. До настоящего времени наиболее качественным считался мрамор из Каррарских карьеров Италии. Из него изготовлено большинство статуй и памятников мира. В России из каррарского мрамора созданы сотни скульптур, которые украшают дворцы Санкт-Петербурга и его пригородов – Петергофа, Павловска, а также родовые дворянские усадьбы Москвы и Подмосковья. Между тем якутский мрамор по своей окраске и просвечиваемости – основным оценочным критериям превосходит знаменитый итальянский мрамор. У него выявлена уникальная способность просвечиваться в глубину от 2 до 7 см. Итальянский мрамор просвечивается до 3-5 см [15].



Рис. 6. Юрюнг Таастах Хайа (Мраморная гора)

Заключение

Исходя из данного обзора, можно отметить, что Момский район является перспективной территорией для развития туризма. Эта территория, как и остальная арктическая зона Республики Саха (Якутия), обладает необычайно живописной природой, не затронутой длительной хозяйственной деятельностью, богатым культурным наследием. Удивительные пейзажи района имеют возможность привлечь внимание как российских, так и зарубежных туристов. Анализ туристско-рекреационного потенциала позволяет утверждать, что район обладает подходящими условиями для организации экстремального и экологического видов туризма.

Литература

1. Иллюстрированный атлас Республики Саха: новейшие карты, цифры, факты / авт. колл.: С.К. Аржакова, В.И. Пестерев, В.М. Лыткин и др. – Якутск : Бичик, 2012. – 232 с.
2. ФЗ №132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996.
3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года».
4. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».
5. Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)».
6. Постановление Правительства РС (Я) от 15.08.2014 №251 «Комплексная программа Республики Саха (Якутия) «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014-2017 годы и на период до 2020 года».
7. Издание Федерального Собрания РФ. Доля туризма в ВВП России // Парламентская газета – 2016.
8. Брусокене Т.В. Формирование и реализация туристского потенциала региона: автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2004. – 25 с.
9. Николаенко, Т.В. Рекреационная география. – Москва : ВЛАДОС, 2001. – 288 с.
10. Осипов, Д.И. Освоение Якутской Арктики // http://nu.s-vfu.ru/topic_week/osvoenie-yakutskoy-arktiki/ (дата обращения: 22.03.2017)
11. Тотонова, Е.Е. Арктические районы Республики Саха (Якутия) и возможности адаптации к рынку / Е.Е. Тотонова, С.С. Слепцов // Концепт. – 2014. – № 09 (сентябрь). <http://e-koncept.ru/2014/14249.htm>. (дата обращения: 20.03.2017)
12. ГБУ РС (Я) «Природный парк «Момский» // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <https://minpriroda.sakha.gov.ru/gbu-rsja-prirodnyj-park-momskij> (дата обращения: 19.10.2016).
13. Момский улус // Книгакан. Документальная память малочисленных народов Севера. <http://knigakan.ru/tematicheskie-kollektsii/territorii-kompleksnogo-prozhivaniya-mns/respublika-sakha-yakutiya/560-momskij-ulus.html> (дата обращения: 11.02.2017).
14. Общая площадь земель муниципального образования // Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBInet.cgi?pl=8006001> (дата обращения: 28.11.2016).
15. Уникальные природные места в Якутии // Сайт о Якутии. <http://www.yakutskhistory.net/> (дата обращения: 02.12.2016).

References

1. Illustrated atlas of the Republic of Sakha: the latest maps, figures, facts / avt. koll.: S.K. Arzhakova, V.I. Pesterev, V.M. Lytkin and ect. – Yakutsk: Bichik, 2012. – 232 p.
2. Federal Law №132 “Concerning the Fundamental Principles of Tourist Activities in the Russian Federation” of 24.11.1996.
3. Development strategy and national security protection of Russian Federation Arctic zone for the period through to 2020.
4. Government program of Russian Federation “Social and economic development of Russian Federation Arctic zone for the period through to 2020”.
5. Decree of the Government of the Russian Federation №644 “About the Federal Target Program “Development of the domestic and inbound tourism in Russian Federation (2011-2018)” of 02.08.2011.
6. Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) №251 “Comprehensive program of the Republic of Sakha (Yakutia) “Social and economic development of Arctic and North districts of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2014-2017 years and prior to 2020” of 15.08.2014.
7. The Federal Assembly issue. Content of the tourism in GDP of Russia // Parliament newspaper – 2016.
8. Brusokene, T.V. Formation and realization of the region tourism potential: abstract of a PhD thesis. 08.00.05. – Saint-Petersburg.: SPbGU, 2004. – 25 p.
9. Nikolaenko, T.V. Recreational geography. – Moscow: VLADOS, 2001. – 288 p.
10. Osipov, D.I. Reclaiming of the Yakut Arctic// Nash universitet. // http://nu.s-vfu.ru/topic_week/osvoenie-yakutskoy-arktiki/ (reference date: 22.03.2017)
11. Totonova, E.E. Arctic districts of the Republic of Sakha (Yakutia) and the possibilities of its market adapting / E.E. Totonova, S.S. Slepcev // *Koncept*. – 2014. – № 09 (September). <http://e-koncept.ru/2014/14249.htm>. (reference date: 20.03.2017)
12. GBU RS (Ja) “Momskij” natural park” // Official information portal of the Republic of Sakha (Yakutia). URL: <https://minpriroda.sakha.gov.ru/gbu-rsja-prirodnij-park-momskij> (reference date: 19.10.2016).
13. Momskij district // *Knigakan*. Documentary memory of low-numbered peoples of the North. <http://knigakan.ru/tematicheskie-kollektsii/territorii-kompleksnogo-prozhivaniya-mns/respublika-sakha-yakutiya/560-momskij-ulus.html> (reference date: 11.02.2017).
14. The total area of municipal unit lands// Federal State Statistics Service. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBlnet.cgi?pl=8006001> (reference date: 28.11.2016).
15. The unique natural places in Yakutia // Website about Yakutia. <http://www.> (reference date: 02.12.2016).

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 2(12)

2017

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Учредитель

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *О. К. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 03.08.2017. Дата выхода 04.08.2017.
Формат 70x100/16. Печать цифровая. Печ. л. 4,8. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 20 экз. Заказ № 89.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций